

НИКА АРСКАЯ

ЛЕСНАЯ
ШЕРСТЬ

Ника Арская

Лесная Шерсть

<https://litres.ru/73959019>

SelfPub; 2026

Аннотация

В темном лесу живут крошечные лесные эльфы и верные им корги — рыжие звери с волчьими мордами и острым нюхом. Когда бесследно исчезает главный королевский разведчик, трое эльфов отправляются в глубины леса, чтобы вернуть его и остановить древний мрак, пробуждающийся вместе с зимой. Но чем дальше они заходят в чащу, тем яснее понимают: лес хранит куда больше тайн, чем они могли представить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Королевская тайна	13
Глава 2 Охота Дёрена	47
Глава 3 Тень от короны	73
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ника Арская

Лесная Шерсть

Пролог

Темнота в лесу сгущалась с каждой минутой, а грохот вдали не умолкал и становился все ближе. Летний дождь заглушал неторопливую беседу молодых разведчиков. Холодные капли падали на их маленькие головы и лопались, покрывая целиком тела, спрятанные в зеленые плащи из лопуха. Лишь длинные остроконечные уши торчали и дергались. Лесных эльфов не смущала погода: прячась за капюшонами, они шутили и смахивали с себя громадные порции небесной воды.

Рядом с эльфами стояли мохнатые псы. Они изредка отряхивались и, приоткрыв пасть в улыбке, шумно дышали, выпуская клубы еле заметного пара прямо в ворох столпившихся разведчиков. Промокшие накидки на их корпусах прикрывали снаряжение и шерсть, оставляя под дождем испачканные лапы.

Самый старший по званию эльф Амарант заметил вдали приближающуюся высокую фигуру. И пока она нарастала, поглощаясь со всех сторон мраком, некоторые из псов стали выть, поскуливать и водить носами точно ежи, предвкушая встречу с новым членом отряда.

— Стройся!

Крик в толпе привел разведчиков в движение, началась возня. Голоса затихли, и вместо них пришли звон застежек на ремнях с амуниции, чавканье сапог и звонкий лай. Командующий наблюдал как хрупкие тела в накидках мешались друг с другом словно упавшие листья во время сильного ветра, копошились в маленьких рюкзаках, висящих на седлах из толстой, набитой опилками кожи. После проверки всего снаряжения, эльфы брали за поводья псов и становились в шеренгу. Неуклюжие косматые туловища послушно следовали за всадниками, сохраняя хлопотливость.

Амарант перевел взгляд во тьму, где фигура успела раздвоиться. Приблизившись к освещенному факелами участку, ожидавшие сначала увидели мокрую морду черно-рыжего пса, а затем рядом идущего хозяина в таком же лопуховом плаще. На спине корги сидела эльфийка, чье лицо было скрыто капюшоном и светло-пшеничными локонами.

Высокий эльф остановился и махнул рукой тому, кто ранее подал команду, не замечая уставившийся на него отряд. Амарант тут же сдвинулся с места, вынул из земли догорающий факел и, прикрыв его рукой, подбежал к троице. Лай неожиданно прекратился, и дождь ударил с новой силой.

— Сколько их будет? – устало спросил эльф и, вынув из кармана свернутый в трубочку лист черники, поднес ко рту.

— Всего семь, Кизил.

Командующий поднес факел к хмурому лицу главного

разведчика, который, прикурив, хмыкнул. Сухая трубочка вспыхнула и начала тлеть.

— В прошлом сезоне их было больше

Амарант обернулся в сторону отряда и замер, словно был не уверен в своем подсчете, а после достал из-под плаща сверток бересты и, развернув его двумя пальцами, пробежался глазами по приказу.

— У нас по плану разведка границы королевства и, возможно, расширение его территории, — отчеканил Амарант, а затем добавил, — Если позволит удача, конечно, и мы не наткнемся на волков.

— В общем, ничего нового, — сухо отозвался Кизил. Лицо сливалось с темнотой и лишь во время затягивания трубочки можно было разглядеть холодного цвета прищуренные глаза и мокрую, коротко стриженную бороду. Он направился в сторону отряда, чавкая своими высокими сапогами.

Не останавливаясь, главный разведчик разглядывал корги. Они стояли каждый со своим хозяином, свесив треугольные мохнатые уши. Глаза, похожие на блюда, и носы повторяли друг друга. Молодые эльфы, вытянувшись, замерли.

Дойдя до конца, Кизил остановился. Вдохнув полной грудью, он наклонил голову на бок и попытался рассмотреть стоящего напротив эльфа, но накидка, плотно прилегающая к телу, будто пыталась уберечь того, кто ее надел. Его взгляд скользнул на сапоги из кожи полевки, потом на лапы и морду любопытного пса. Вдруг Кизил, не мешкая, бросил недо-

куренную трубочку и машинально вдавил ее в землю. В два шага он подошел вплотную к эльфу и резко снял капюшон. Разведчик согнулся в коленях и вскрикнул от боли. Его лицо скривилось. Он попытался удержать равновесие, но хватка не ослабла. Ноги скользили по земле.

Кизил прошипел сквозь зубы:

— Ты опять пытаешься меня обдурить?

Он перевел взгляд на пса.

— Разве что ты умудрился взять чьего-то корги...

— Волосы — прошипел от боли эльф, и Кизил брезгливо отпустил его. Приземлившись спиной в грязь, разведчик резко вскочил и, протерев рукавом лицо, стал отряхиваться.

— Каждый год одно и то же! — повысил голос Кизил. — Дёрен!

Эльф взглянул на отца, потирая затылок.

— Когда я вернусь

— А если нет? — крикнул Дёрен, — Тебе мало было прошлого раза? Сколько вернулось, пол группы? Их с каждым годом все меньше, а результата ноль!

— И ты хочешь быть в их числе? Знай свое место! — рявкнул Кизил в ответ, и все как один вздрогнули. — Если ты забудешь про свои обязанности, еще больше эльфов не доживет до следующей весны. Ты этого хочешь?

— Я хочу, чтобы такого старика как ты не загрызли волки, — устало ответил сын, — глупая смерть.

Кизил хотел что-то возразить, но Дёрен махнул рукой, не

желая больше ворошить заезженную за пять лет тему.

Амарант наблюдал за происходящим, стоя возле черно-рыжего пса, предварительно взяв его за край поводка. Зверь послушно наблюдал за хозяином и не обратил внимание, когда командующий решительно отбросил погасший факел недалеко от себя.

Не успел эльф обдумать увиденное, как за спиной послышалось шуршание. Обернувшись, командир посмотрел вниз. Напротив него стояла эльфийка. Она небрежно собрала локоны с лица в кучу и резкими нажатиями превратила их в висящую влажную массу, а после убрала куда-то за шиворот.

Пес резко отряхнулся, словно ждал, когда она спрыгнет. Эльфийка встала рядом с командиром и тут же привлекла внимание остальных разведчиков.

— Добрый вечер, Свиды, — поприветствовал не глядя эльф, сжимая крепче повод. — Ну и погодка! — добавил он с улыбкой.

Последовал легкий кивок. Подождав пару секунд, он решительно продолжил:

— Пришла проводить отца? Не переживай, я позабочусь о его безопасности.

Свиды молчала. Лишь тогда Амарант посмотрел в ее сторону и замер. По еле заметным очертаниям щек текли слезы и сливались с каплями, а как только они доходили до уголков рта, исчезали, уступая место другим. Красные потухшие гла-

за смотрели в сторону отца, который поспешно возвращался к ним. Командир недовольно вздохнул, переводя взгляд в сторону Кизила, и прошептал:

— Опять твой брат за свое.

Тем временем Дёрен, не скрывая эмоций, пнул рядом лежащий камень, который стремительно влетел в стойку с факелом и сломал ее. Почти сгоревшая ветка, обмотанная толстым слоем бересты, упала на землю и потухла.

Все присутствующие безэмоционально наблюдали за обстановкой. Лишь когда Дёрен поплелся за отцом, гневно потянув за повод пса, стоящие в отряде эльфы стали перешептываться между собой. Куски некоторых фраз резали слух. Кто-то насмеялся, кто-то разочарованно мотал головой, а другие старались не обращать внимания.

Подойдя к Амаранту, Кизил молча посмотрел на него и, пройдя мимо, стал проверять свое снаряжение, бурча что-то под нос. Подтянув ремни подпруги и расправив крылья седла, эльф встал на стремя и начал смахивать капли, скопившиеся на амуниции. Ветер поднялся и оголил черную как копоть макушку главного разведчика. Свиды стояла рядом опустив голову, будто пыталась найти что-то в земле, а Амарант, проследив за резкими движениями, не выдержал и сказал:

— Надеюсь, ты не согласился на его авантюру? Твой сын слишком юн для таких прогулок, тем более его вспыльчивость никогда не принесет пользы в трудный момент.

— Несомненно. — сразу отозвался Кизил, — но если бы

он хоть раз поговорил со мной, а не огрызался, и не прикидывался одним из разведчиков, может, я бы и взял его с собой.

Тут эльфийка резко уставилась на отца. На ее лице читалась растерянность:

— Ты же пообещал мне, что если я расскажу о его планах, он никуда не поедет!

Амарант лишь скрестил руки на груди, а Кизил продолжил копаться в рюкзаках. Ее будто никто не услышал. Свидя отвернулась от эльфов и ее плечи задергались. Неожиданно кто-то толкнул ее в спину. Это был Дёрен.

— Ты как обычно лезешь и жалуешься. Еще сестра называется! — Недовольно возразил эльф, проходя мимо, — С дороги!

Она послушно сделала пару шагов в сторону и пропустила мохнатого зверя, идущего за братом. Вытерев слезы, Свидя вновь повернулась ко всем присутствующим, и ее лицо побледнело.

— Ну вот и все, — С облегчением произнес Кизил, забравшись в седло, — Получается, будет шестеро, и мы с тобой, друг.

Амарант кивнул и пошел к своему псу, попутно скомадовав отряду приготовиться. Все как один лихо запрыгнули на спины зверей и, выстроившись колонной, медленно пошли в сторону высокой черной стены из кустов колючего боярышника.

Кизил повернулся к дочери. Его лицо смягчилось и теперь выглядело уставшим.

— Не переживай, мы прибудем к концу осени. А там и гульбище скоро! Навеселимся, натанцуемся, я тебе что-нибудь с разведки привезу, — эльф слегка улыбнулся и посмотрел в сторону уходящего вдаль сына, который так и не попрощался с ним, — А ты за братом поглядывай, и не сердись на него: отойдет. Главное, держитесь вместе. Кто знает, на кого мы наткнемся в чаще.

Отцовские наставления стихли, а лицо эльфа вновь стало серьезным. Свиды молча подошла ближе и, распахнув свой плащ, достала из-за пазухи что-то замотанное в листву.

— Вот, в дорогу, вдруг похолодает.

Эльфийка протянула сверток, и Кизил, надорвав лист пальцами, коснулся пряжи из собачьей шерсти.

— Сама связала, — неуверенно продолжила она опустив голову, и через пару секунд почувствовала на своей макушке тяжелую теплую ладонь.

— Спасибо, милая.

Главный разведчик убрал сверток в один из свободных рюкзаков и, наклонившись к взъерошенной холке, вдохнул полной грудью запах зверя. Затем, натянув поводья, он слегка нажал на бока пятками, и корги сдвинулся с места.

— До встречи, Шипчик, — эльфийка скользнула пальцами по черной шерсти, и Шипчик на прощание помахал хвостом.

Свида наблюдала за тем, как отец, укрываясь плащом, с каждым шагом удалялся от нее, а потом и вовсе исчез в ливне. Вдалеке послышался скрип открывающихся ворот через колючие кустарники. Спустя какое-то время скрип повторился и наступила тишина. Недолго думая, эльфийка взяла один из оставленных факелов и пошла в сторону ушедшего брата.

Глава 1 Королевская тайна

Хижина кузнеца стояла на распутье между королевством и лесным поселением. Она напоминала старый прогнивший пень, в котором сделали отверстия для двери и окон. Из плоской крыши торчала каменная труба, откуда выползал еле заметный дымок. Рядом с домом располагался деревянный навес, где стояла бóльшая часть утвари. В самом его центре красовалась отполированная наковальня. Ее рог смотрел прямо на путника, изучающего неподалеку местность.

Подул осенний ветерок, и на землю стали падать разноцветные листья с деревьев смешанной чащи. Эльф опрокинул голову и, подставив ладони к небу, замер. Оранжевый лист клена медленно кружился в одиночном танце, мерцал, поглощая остатки дошедших лучей, и вскоре накрыл путника с головой. В какой-то момент эльф будто опомнился. Выпустив увядший лист из бледных рук, он быстрым шагом приблизился к навесу и прошел сквозь него. Остановившись у деревянной двери с железными петлями, путник постучал и тут же наспех поправил плащ, грубо отряхнув его по всей длине. Никто не открыл.

Тогда Омиас оглянулся по сторонам и прислонился торчащим из капюшона ухом к дереву. Послышался скрежет металла и шаги, которые стали приближаться. Эльф отпрянул, поджав губы, и замер. Дверь резко открылась.

– Вороний помет! – вскрикнул сиплым голосом старик, чуть не уронив ящик с инструментами.

Омиас вздрогнул от резкого ругательства и виновато улыбнулся.

– Простите, что напугал вас! Я тут ищу кое-кого

Недовольно цокнув, хозяин хижины направился к наковальне, шумно сопя и продолжая ругаться. Его широкая спина местами прилипала к льняной рубашке, образуя симметричный полукруглый узор, а плотный рабочий фартук болтался, ударяясь о колени. Омиас медленно последовал за кузнецом, попутно разглядывая различную мебель и большие деревянные бочки, доверху наполненные изделиями. От кухонных приборов до собранных в кучу железных гвоздей, они лежали и ждали своего часа на праздничной ярмарке в честь окончания лета. Эльфы называли это событие Гульбищем. День, в который все веселятся, прыгают через костры, объедаются собранным урожаем, а после готовятся к зимней спячке.

– Я тебя раньше не видел. Ты из поселения? – спросил старик уже спокойным голосом.

– Не совсем. Я прибыл из королевства, спустившись со старого дуба, который стал нам когда-то домом. Вы, наверное, помните, как наш народ освоил эти земли, – подхватил Омиас, радуясь концу напряженной обстановки. – Хотя чего я вам рассказываю, такому старику как вы знакома история. А я ее писатель, хронист!

С грохотом поставив ящик на ближайший свободный стол, кузнец, подбоченившись, повернулся. Длинная густая борода закрывала почти всю шею, переливалась седыми прядями, а прищуренные глаза еле виднелись из-под заросших бровей. На лысой макушке выступали капли пота.

– Хронист? Я думал, писать историю в наше время уже не имеет смысла. Да и выглядишь ты молодо для того, кто разбирается в ней. Как ты уже сказал, старику вроде меня известно многое, но чтобы у нас появились хронисты Впервые о таком слышу.

Он с огорчением уставился на путника и, попутно указав на выпирающий живот, добавил:

– Хорошо вас там кормят.

Лицо Омиаса покраснело. Улыбка исчезла. Собравшись с мыслями, он подошел ближе и заметил, что вдалеке за наковальней висели новые седла. Их сидушки обычно набивали опилками вперемешку с соломой. Сам корпус аккуратно вырезали из дерева, большие крылья, похожие на кожу какого-то животного, закрывали стремяна. Их же создавали из упругих веток орешника. Подпруга напоминала плоскую вязаную веревку, имеющую по краям железные кольца и застежки для них.

Омиас пришел в себя и продолжил:

– Так вот, я ищу эльфа, который умеет говорить с псами. Знаете такого? Он, вроде, один в поселении.

Хозяин хижины отвернулся и стал раскладывать прине-

сенные инструменты, а Омиас, воспользовавшись моментом, застегнул плащ и поправил торчащие светлые локоны, прилипшие к пухлым щекам. Между ними вновь повисло неловкое молчание, отчего путник снова занервничал. Не так часто приходится встречаться с простым народом, да еще и с ворчливым кузнецом, который живет на отшибе.

– Корицик Цейл что ли? – он поднял брови и усмехнулся. – «Разговаривать с псами» его любимое занятие, но он всего лишь смотритель за порядком, а не какой-то особенный эльф.

Заметив легкий кивок хрониста, хозяин насмешливо продолжил:

– Знаешь, те, кто не имеет дело с лисоподобными, боятся их как волков. Даже сравнивают напрямую. А по тебе видно, что ты целыми днями сидишь и черкаешь неповторимую историю для наших потомков. И зачем же такому занятому королевскому хронисту сдалась эта «псовая» тема?

Омиас настороженно произнес:

– Не могу сказать, это королевская тайна, – он запнулся, услышав хриплый смех.

– Знаю я ваши тайны! Ты думаешь, на что мне эта борода? Видел! Своими глазами видел, как предыдущее королевство развалили, а теперь за это взялись, – вытирая руки о фартук процедил кузнец. – Пустобрехи!

Его лицо резко скривилось в жуткой гримасе, руки, не отпуская фартук, застыли. Кузнец о чем-то задумался. Одино-

кая жизнь в хижине дала свои плоды, и Омиасу показалось, что с каждым новым вопросом обстановка накалялась словно железо.

– Как только вижу ваши яркие плащи да кафтаны, сразу понятно - жди плохих новостей. – буркнул в итоге кузнец, и хронист мысленно остановил себя, как бы не сказать лишнего. Но терпение и желание вести добрую беседу потихоньку исчезали даже у него.

– Так где я могу его найти, этого Цейла?

Старик злобно посмотрел на Омиаса, но все же ответил:

– Сейчас перед осенним Гульбищем народ занят собирательством и охотой. Он может быть где угодно.

– У меня мало времени. Может, есть какие-нибудь догадки?

Кузнец еле слышно ругнулся и продолжил греметь инструментами.

– Через тридцать деревьев, ближе к северу, есть черничное поле. Загляни туда. Там как раз сейчас идет сбор ягод.

Он раздраженно махнул рукой в нужном направлении и отвернулся к столу. Омиас тут же довольно кивнул и уже хотел было направиться в путь, как вдруг старик продолжил:

– В противном случае, ты его нигде не найдешь.

– Почему?

– Он скажем так, не общителен. Да и работник так себе. Вечно куда-то пропадает, заказывает у меня седла и забывает забрать их. Приходится их доставлять самому, а я уже стар,

да и ленив для таких прогулок! – проворчал хозяин и тут же резко перешел на крик – И вообще, пошел прочь уже, мне работать надо! Вот-вот начнется Гульбище, а я как последний лежачка все лето потратил на изготовление охотничьих ловушек. Почему они сами никак не научатся их мастерить?

Омиас хотел было что-то сказать, но как только увидел, что кузнец замахнулся деревянным молотком, который нашел на рабочем столе, вздрогнул.

«Не общительнее вас, значит?» – усмехнулся про себя хронист, пытаясь успокоиться. Быстрым шагом выйдя за порожек навеса, он поклонился и пошел на север. Но осознав, что так и не узнал имя хозяина, крикнул:

– А как вас зовут?

Кузнец неохотно и еле слышно ответил:

– Это королевская тайна.

Густой лес шумел пением птиц, обнажал кроны деревьев, пропускал еле теплые солнечные лучи к влажной земле. Приходилось пробираться через осоку, обходить заросшие старым мхом пни и переступать муравьиные дорожки. Идя по лесу и настороженно смотря по сторонам, Омиас пытался себя успокоить счетом деревьев.

И хоть он понимал что в безопасности, фантазия, подпитанная легендами из королевской библиотеки, не давала покоя. Каждый кривой сучок и неподвижный куст в тени деревьев внушал всякое, что было начерчено углем где-то на бе-

рестовых страницах сказаний и историй. Но это же все сказки, чтобы никто не ходил в лес за оградой?

Кроме волков. На брусках и страницах они всегда были нарисованы красочно, не как остальные звери – обычной черничной краской. Их округленные глаза, огромное тело со стоячей дыбом шерстью и оскал были каноном в эльфийской истории переселенцев. Страшнее осознавать, что весь этот кошмар был и остается правдой. Что половина эльфийского народа была съедена ими. Без причины.

Омиаса мучили мысли о том, как же тяжело и горько далось путешествие сквозь непроходимые чащи и заросли. На что народ надеялся, когда покидал свой дом? Многие гибли от ран, болезней, тонули в болоте и были похищены птицами словно мыши. Но борьба была не напрасна. Ведь после того, как эльфы смогли отгородиться от этих чудовищ, спрятавшись за густым и высоким кольцом колючего шиповника, многие даже позабыли, каково оно – на другой стороне. Насколько там жутко и мрачно. Лишь охотники и королевская разведка бывали в уже «диких» лесах. Но что будет, если это произойдет снова, и волки вновь найдут беззащитных эльфов? Можно ли надеяться на защиту корги? Да и как можно на них полагаться, если все жители недоверчиво смотрят в их сторону. «Они же потомки волков. И хитрые как лисы» – пронеслась услышанная от кого-то фраза в голове хрониста.

Выйдя на еле заметную тропинку, протоптанную каким-то животным, Омиас снял капюшон и шумно выдох-

нул. Он прошел ровно половину и уже чувствовал усталость, легкое покалывание в ногах и прилипшую от пота одежду. Откинув голову назад, он закрыл глаза и хотел было перевести дух, но что-то зашуршало сбоку. Не двигаясь, хронист медленно повернул голову и посмотрел в высокую траву. Она росла плотно, верхушки осоки покачивались, меняя друг друга. Ничего не было видно. Тогда он осторожно взял с земли ветку и, осмелившись, стал раздвигать потускневшие зеленые стебли. В ту же секунду из нее показались большие стеклянные глаза лягушки. Омиас отпрянул, чуть ли не вскрикнув, а земноводное, не меняя положение, одним прыжком перепрыгнуло эльфа и скрылось в траве за его спиной. Уняв страх в груди и посчитав еще пару деревьев, хронист ступил на еловую землю, куда не попадало солнце и ничего не росло. Повсюду лишь разбросанные шишки да иголки, которые могли с легкостью продырявить обувь.

– С дороги!

Крик появился со спины, и Омиас в последнюю секунду успел прыгнуть в сторону. Не удержав равновесия, он упал на живот и тут же повернулся в направлении источника звука. Мимо него пронесся огромный рыжий корги с короткими лапами и выющим хвостом. В седле, приподнявшись на стременах, находился всадник. Его тело будто не двигалось. Резкими скачками зверь все дальше отдалялся от напуганного Омиаса и вскоре скрылся, спустившись с холма куда-то вниз.

Позабыв об усталости, хронист резко поднялся и побежал следом за всадником, задыхаясь и не останавливаясь ни на шаг. Он улыбался. «Нашелся!».

Плащ развивался и замедлял его, цепляясь за ноги и упавшие ветки. Добежав до конца прямой дороги, ему открылось то самое черничное поле, о котором говорил кузнец. Сердцебиение и одышка заглушали слух. Прищурившись от ярких лучей и убрав растрепанные волосы, он заметил несколько фигур в центре поля. Разросшиеся кусты черники почти с головой закрывали рабочих, которые в спешке куда-то бежали. Омиас судорожно стал выискивать всадника, но его нигде не было.

Тут из кустов вынырнули два пса. Они скалились, лаяли, гоняли друг друга по всему полю и, хватая за шею, валили на землю, топча чернику. Телега, в которую был запряжен один из них, качалась из стороны в сторону и в какой-то момент упала на бок. Вся собранная ягода оказалась на земле и отпечаталась на шерсти упавшего пса. Рабочие что-то кричали, махали руками, кто-то прижимал к себе своих детей или убегал, прячась за деревья.

Потасовка все не заканчивалась, пока не объявился еще один пес. Он нырнул в драку сородичей и, показывая белоснежные зубы, куснул каждого за бок. Глаза его округлились, шерсть под седлом встала дыбом, а всадник, который сидел сверху, кричал что-то несвязное, разгоняя дравшихся длинной веткой. Псы поначалу злились и пытались напасть в от-

вет. Но, получив пару раз по ушам, они проскулили, и разошлись по сторонам будто приходя в себя. Их косматые морды вновь стали спокойными, уши потянулись к небу, язык болтался и блестел от слюны. Телега, поскрипывая, чудом встала на четыре колеса, только вот черники в ней совсем не осталось.

Ошеломленный произошедшим, Омиас не сразу стал спускаться с холма. Ему стало страшно и неудобно от увиденного. Перебирая в голове все возможные варианты событий, он шумно выдохнул и, наконец, осмелел.

Тем временем эльфы подняли шум, испуганно озираясь друг на друга. Они собрались в одну большую кучу и наблюдали за каждым шагом зверей. Никто не желал подходить ни к телеге, ни к полю. Наконец, самый старший из рабочих направился к всаднику, переступая раздавленный урожай.

Спрыгнув с корги, смотритель подошел к помятому кусту черники и оторвал пару подсохших листьев. Достав из-за пазухи короткую самодельную трубку, он зачихнул покрошенную листву в чашу и как следует придавил ее большим пальцем. А потом взял трубку зубами и, обернувшись, резко встретился с испуганными глазами работника.

– Ну и где тебя носило, Цейл? – спросил он испуганным голосом.

Всадник поднял указательный палец вверх, а другой рукой стал прощупывать карманы своей накидки, задумчиво смотря куда-то в сторону. Все эльфы замерли в ожидании. В

ту же секунду он довольно промышчал и, достав из кармана огниво, прикурил.

– Кто у вас тут главный? – спросил Цейл, игнорируя заданный ему вопрос.

– Ну я. – скрестив руки на груди отозвался тот же эльф.

От услышанного всадник выдохнул дым прямо ему в лицо и тут же замахал рукой, покашляв. Потом он достал из другого кармана брусок орешника и срезал тонкую стружку, на которой чиркнул что-то углем.

– Это что Касатик и Мятлик? Я же говорил вам оставлять их на разных концах поля, а вы как обычно сделали наоборот. – чуть ли не шепотом сказал Цейл, указывая на виновников драки. – Это проблема.

Вдруг он звонко свистнул в сторону гуляющих псов, и они как зачарованные, забыв обо всем, понеслись к нему. Толпа с главным рабочим испуганно вскрикнула, отходя назад, когда корги резко остановились перед Цейлом. Он устало погладил каждого по морде, оглядел издалека повозку и, что-то бормоча себе под нос, взял повисшие поводья из конопляной болони и отдал их рабочему.

– Посмотри, что они сделали! Помяли наш урожай, опрокинули телегу с ним, все растоптали! Зря я послушал тебя утром и взял псов. Одни убытки!

Рабочий махал руками, орал на Цейла и тыкал в него грязными пальцами. Все молча стояли и смотрели на помятую чернику. Сказать было нечего: утренняя работа оказалась

напрасной. Цейл, не реагируя на крик, пошел к своему псу, а возмущенный эльф последовал за ним как назойливая мошка, тянул за собой корги и все повторял:

– А если бы они раздавили нас или наших детей? Они опасные! И хватит притворяться, что ты меня не слышишь, Цейл! – он грубо схватил его за плечо и развернул к себе.

– До Гульбища осталась неделя, – ответил всадник. – Я могу их забрать, но тогда вы не успеете закончить все вовремя, ты этого хочешь?

– Почему ты не можешь приводить корги, когда телеги будут заполнены черникой до краев? Зачем они стоят здесь весь день и пугают всех? – тот тяжело вздохнул. – А еще воняют не пойми чем, болотной гнилью какой-то!

– У меня под присмотром порядка десяти полей. На каждое поле мне в одиночку пригонять корги? – спросил Цейл, никак не меняясь в лице.

– Неужели у вас нет еще тех, кто мог бы этим заняться?

– Эльфы с прошлого года уехали на разведку, больше никого не осталось. Каждый день это повторяю и все без толку. – скрестил руки на груди смотритель, ожидая новых вопросов.

Тут рабочий резко сжал кулаки и перевел взгляд на столпившихся, потом посмотрел под ноги, взял в руку уцелевшую ягоду и протер ее о льняную рубаху. На гладкой темно-голубой поверхности можно было разглядеть еле заметное отражение озлобленного лица.

– Именем Астралага второго, прекратите!

Крик в толпе заставил всех обернуться. Омиас обеспокоенно махал рукой, не замечая как все уступают ему дорогу. Зеленая с желтыми узорами королевская накидка тут же привлекла внимание простых эльфов, пробудив интерес. Цейл изменился в лице, недоверчиво прищурился и сделал несколько шагов к своему корги.

– Я прислужник с королевской территории! И приказываю немедленно прекратить тратить время на этот бессмысленный конфликт!

– Чушь! – усмехнулся старший из рабочих. – Какой-то же это конфликт, мы всегда так разговариваем. Точнее я!

Он указал пальцем в сторону Цейла, который, не поворачиваясь спиной, сделал еще пару шагов в сторону от столпившейся группы:

– От него никогда не дождешься помощи и объяснений! Он тут для того, чтобы просто начертать в своих стружках да исчезнуть! Чтобы разогнать псов, понадобится время! Где его носило?

Все остальные стали перешептываться и, соглашаясь, кивать. Омиас уже стоял рядом с рабочим, уверенно смотря на него снизу вверх. Он обернулся к народу:

– А вы хоть представляете, как ему тяжело? Он совсем один, с утра до ночи не слезает с корги и следит за порядком в поселении, пока все остальные в походе! Да вы должны благодарить его!

– А кто вы такой будете, чтобы нам указывать? – рабочий наклонился к Омиасу. – Мне нет дела до ваших королевских словечек. У нас всегда много работы, а сейчас еще больше. Ладно это был бы единичный случай! Так нет, каждую неделю нас настигают плоды безответственности! Лучше бы сделали с этим что-нибудь, а не указывали!

– И что теперь? Надо грубить или, еще хуже, драться? Вы же ничем тогда не отличаетесь от корги! – настойчиво выкрикнул Омиас, и все замолкли.

Старший из рабочих резко приблизился к хронисту и сплюнул на землю прямо возле его ног. Омиас ошеломленно уставился на него, а тот, ничего не сказав, побрел с остальными на поле, потянув за собой двух псов. Им, как и народу, больше не было дела до королевского незнакомца. Вскоре толпа рассосалась. Омиас, оставшись снова один, обернулся. Всадник пропал.

– Помет вороны, – прошептал хронист и удивился, как быстро на него повлияла рабочая обстановка простого народа. Он трусцой поднялся на невысокий склон и вновь стал осматриваться. Ему повезло. Неподалеку среди тернистых кустарников мелькнул рыжий хвост.

– Стойте! – крикнул Омиас и побежал к Цейлу. Тот, будто не услышав его, шел дальше, ведя в поводу пса. Хронист настойчиво догнал его и резко остановился.

– Я потерял вас – задыхаясь прошептал хронист, склонив-

шись к земле.

– Чего я и желал.

Омиас шумно выдохнул, пытаясь выровнять дыхание, а потом взглянул на корги. Густая рыжая шерсть была чистой и гладкой, правда воняла тиной, перемешанной с влажностью. Пес тоже посмотрел на него, высунув длинный розовый язык.

– Вы же тот, кто говорит с псами? – он посмотрел на спину Цейла и заметил, насколько потрепана его рабочая накидка.

В этот момент всадник остановился и нехотя обернулся. Он был среднего роста, худой, с большими вертикально стоящими ушами и рыжими, как и волосы, веснушками. Короткая угловатая борода не сливалась с бакенбардами и была похожа на прилипший коричневый листок березы.

– Конечно, я говорю с ними. Только это тайна, о которой ты по глупости решил рассказать всем. – Цейл дернул бровями в сторону лениво проходящих рабочих, которые заметно замедлили шаг, подслушивая. – Вроде из королевства, а такой глупый.

– То есть это неправда? – Не понял Омиас.

Корицик не моргая уставился на него, а тот, почувствовав себя обманутым, решил сменить тему и бессвязно пролепетал:

– Я нашел сведения о том, что эльфы старше двадцати пяти зим родились в северном королевстве. Все описания указывают на вас. Вы тот, кто был там в разгар ужасного собы-

тия, когда народу пришлось расколоться надвое. Одни остались в королевстве, а другие покинули его. Вы были там, когда волки стали нападать на беззащитных бездомных эльфов, и выжили. Спустя время, как появилось наше южное поселение под покровительством уже южного короля Астралага первого, вас взяли на должность смотрителя за лисоподобными, так как вы умеете с ними налаживать контакт и, судя по тому, что я видел, это правда!

– Давно я не слышал слово «лисоподобный», – подхватил Цейл уже без особого напряжения в голосе, – А ты не сидел без дела, раз столько уже знаешь.

– Могу ли я поговорить с вами? – Омиас улыбнулся.

– Нет.

Корицик вновь возобновил шаг, и хронист тут же догнал его.

– Я вообще-то заступился за вас!

– А я и не просил. Тебе повезло, что они были уставшие. За такие сравнения с корги даже я, будучи на их месте, просто так это не оставил, вдарил бы как следует! Ты бы еще сравнил их с волками, олух.

Омиас тихо извинился и продолжил идти рядом с Цейлом, не отставая ни на шаг. Тут он решил зайти издалека:

– Через пару дней после Гульбища состоится важная церемония, на которой король выберет себе советника. А для этого нужно владеть не только знаниями истории, но и уметь предлагать решения для улучшения жизни. Я готовился к

этому всю свою недолгую жизнь!

Омиас замолк и, не увидев никакой реакции, решил продолжить:

– Я хочу предложить ему укрепить отношения между эльфами и корги. Представьте, если каждый эльф мог бы с легкостью ездить верхом, брать псов в поход на поля, облегчая работу не только себе, но и вам! От вас мне нужны лишь знания и помощь. Обещание, что вы согласитесь, если вдруг королю понравится моя идея. Вы единственный, кто может научить новобранцев этим навыкам.

– Хронист шастает по поселению без охраны? – запоздало перебил Омиаса Цейл.

– Не совсем, – удивленно отозвался тот. – Нам не разрешено покидать королевство, но ради такой идеи пришлось нарушить некоторые правила.

– Раз ты сбежал, почему не надел что-то более неприметное?

Омиас ошеломленно закрыл рот руками, когда Цейл посмотрел на него, и покраснел.

– Я и забыл Забыл совсем!

Он быстро снял плащ с эмблемой королевской знати и, свернув его в комок, прижал к себе, понимая, насколько глупо сейчас выглядит в глазах обычного зрителя. Вдруг стало холодно, вспотевшая спина вмиг околела, и Омиас поежился.

– Ты можешь просто надеть ее наизнанку, – повертев в

воздухе пальцем отозвался всадник.

Омиас тут же кивнул и послушно принялся выворачивать накидку. Они остановились.

– То есть ты предлагаешь мне настоящую королевскую работу Мало того, что я обучаю разведку и охотников держаться в седле и не бояться корги, еще и за простой народ взяться? Действительно, замечательная идея. – иронично ответил смотритель. Он взял в зубы трубку.

– Ты ведь знаешь, зачем разведчики из года в год ходят в поход перед Гульбищем? – проговорил он с ней во рту.

– Знаю. Король Астрагал второй, невзирая на прошлые ссоры с отцом Астрагалом первым и дедом Азигом, хочет наладить контакт с северным королевством! Вот ходят туда из года в год, договариваются. Точнее, пытаются связаться. Сколько прошло зим, а им до сих пор не удалось найти контакт между собой, – кряхтя сказал Омиас, наконец переодевшись.

– Действительно глупый. Неужели ты веришь в такие байки? Думаешь, так просто заставить народ не бояться псов? – снова поменял тему Цейл.

– Конечно! – без раздумий ответил Омиас.

Цейл неожиданно усмехнулся и, ловко забравшись на спину корги, протянул руку:

– Докажи.

Черничные кусты стали покачиваться от осеннего ветерка. Голоса, доносящиеся с поля, стихли. Листья новой вол-

ной стали спускаться на землю.

Омиас, сглотнув, неуверенно протянул руку, но в последнюю секунду вновь посмотрел в черные глаза корги и отступил. Он взял себя за запястье и перевел взгляд на всадника. Тот будто ждал, что королевский неповоротливый хронист струсит, и его слова больше не будут иметь должную цену, какой она была в начале разговора.

– Вот видишь, ты даже себе не веришь. Одним словом Пу-стобрех.

В янтарных глазах Корицика промелькнула искра. Он хотел было гордо рвануть от хрониста далеко в чашу, но вдруг со стороны поля послышался детский крик:

– Дядя Корицик, вот вы где! А мы думали, вы опять бежали!

Дети неслись по тропинке прямо на корги, совершенно не боясь его. Омиас усмехнулся, увидев испуганное выражение всадника, который явно не просто так всегда любил «сбегать».

– Дичка! Дичка! – кричали они, раскинув руки, и Дичка, посмотрев в сторону детей, вдруг резко прижалась к земле и дернулась в сторону. Омиас поморщился от пыли и закрыл глаза. Не удержавшись в седле, Цейл свалился прямо на еловые иглы и, прислонившись щекой к земле, увидел, как корги рванул в кусты, испуганно поджимая хвост. Хронист хотел было помочь, но всадник тут же встал на ноги и злобно посмотрел на ребятню, которая весело гоготала, показывая

пальцами куда-то в чашу.

– Почему она постоянно убегает? – спросил один из детей.

– Потому что она боится вас, – процедил Цейл сквозь зубы, будто не раз произносил эту фразу, а потом тихо добавил, – как я ее понимаю.

Тут дети переключились на хрониста. Они облепили его со всех сторон и стали весело щебетать. Смешанные голоса не умолкали, пока один из детей не потянул Омиаса за рукав.

– А вы что, правда из самого королевства? – спросил тот. Омиас улыбнулся и кивнул.

– А почему вы такой толстый? – спросила другая. Она стала тыкать пальцем в бок хрониста и смеяться. Все тут же начали повторять за ней. Омиас смущенно пытался выйти из круга, закрываясь зеленой тканью.

Но дети, не обращая никакого внимания, разглядывали его как какую-то диковину. «Какая невоспитанность!» – подумал Омиас.

– А нам еще неделю на поле ходить, собирать ягоды! – пожаловалась третья девочка. – Вы можете как-то это отменить? Вы же охранник? Или королевский следопыт?

– Да какой он следопыт? – возмутился еще один, – У него ни лука, ни стрел!

Хронист повысил голос:

– Подождите! Я совсем не тот, кто в этом разбирается!

Дети вдруг притихли.

– А что вы тогда делаете? – почти хором спросили они.

Омиас закрылся плащом и гордо произнес:

– Моя задача – описывать события в поселении и превращать их в интересные истории, чтобы наши потомки читали и узнавали, как мы жили, – Омиас воспрянул в ожидании новой волны детских криков и восторгов.

Но дети лишь разочарованно надули щеки, промычали и тут же разошлись кто куда, потеряв всякий интерес к королевскому незнакомцу. Омиас облегченно выдохнул. Но вдруг он понял одну вещь. Уверенно посмотрев на Цейла, он сказал:

– А вот и решение! Посмотри на них, – он указал на убегающих детей, – Они же настоящий пример того, как не надо бояться псов! Бесстрашные и юные, жаждущие приключений – это как раз то, что нам нужно! Отличные получатся новобранцы. Да?

– Нет, – сухо ответил тот и молча двинулся в сторону, куда убежал корги.

– А как же ваша Дичка? Она вернется?

Они шли молча. Тут из кустов показалась Дичка. Она с неодобрением посмотрела на Омиаса, все еще прижимая хвост. Корицик погладил ее по макушке, а затем стал снимать со спины ветки и листья.

– Гадкие дети, да?

Наивный Омиас, верящий королевским байкам, был уже готов услышать, как пес подаст знак или голос, отвечая хозяину. Но ничего не произошло. Дичка смотрела большими

испуганными глазами на эльфов и шумно дышала, высунув язык.

– Я и не знал, что корги бывают пугливыми, – задумчиво произнес хронист.

– У каждого такого зверя свой характер. – ответил Корицик каким-то чересчур ласковым голосом и продолжил, – Я не могу тебе помочь. Точнее, выбить из твоей головы эту дурь, что ты наплел мне.

– Ты о чем? – Омиас нахмурился.

– Об истории... Я был мал, чтобы помнить все, что произошло в те месяцы скитаний. Шли мы долго, не зная куда. Хотели просто найти дом, в котором навсегда бы остались, но в итоге нас ждал только ужас. С каждым днем волков становилось больше, а искать укрытия от них не всегда получалось быстро. Больше половины полегло, как помню.

– Тогда в чем же я не прав? Ты мне говоришь то же самое! Про народ, про волков.

– Тут дело в деталях. К сожалению, они играют огромную роль, – Корицик вновь залез на корги и протянул руку, – Я знаю одну эльфийку, которая не просто жила в северном королевстве, но и воспитала меня. Она поможет тебе разобраться, но для начала расскажет, как все было на самом деле.

Омиас на секунду задумался, а затем, схватившись за запястье всадника, со всей силы оттолкнулся от земли и через пару нелепых попыток оказался на мягкой спине пса. Запах

шерсти усилился. Ноги утопали в ней.

По правде, Омиас часто представлял какво это – сидеть верхом на таком могучем звере. Но все его ожидания испарились. Оказавшись выше на несколько локтей, эльф почувствовал затуманенность разума. Все вокруг выглядело как-то по-другому, но не пугало, а наоборот, притягивало, будто это место было заготовлено для него самой судьбой.

– Только шагом, не разгоняйся! – тихо, но твердо произнес он, пытаясь ухватиться за скользкую шерсть.

– Если только будешь молчать, – Корицик усмехнулся и, достав трубку, снова закурил, отчего Омиас закашлялся.

Они тронулись с места, и хронист, чуть не упав назад, сжался всем телом в мягкую шерсть.

– Это твоя мать? Что жила на севере?

Корицик выдохнул дым:

– Это моя названная тетка. И она очень любит гостей. Так что с ней тебе явно не будет скучно.

– Как это, названная?

– Когда эльфы бежали от волков, много детей остались сиротами. Вот и меня приютили.

Они направились вдоль еле заметной тропки в сторону поселения. Тут хронист опомнился:

– А как же работа? Разве вам не надо...

– Ты обещал молчать, – напомнил Корицик, и Омиас поджал губы.

Всю дорогу всадник пытался сдержать Дичку от рыси и

скачков. Она то упрямо подбирала палки с тропки, то мотала головой. В какой-то момент Омиас даже успел расслабиться и попытался ощутить как движется зверь. Но хватило его ненадолго. Он боялся сделать лишние движения и был похож на деревянную бочку.

– А ну! – пригрозил Корицик псу, который играл с палкой. Непонятное было зрелище. Поводья совсем не сжимали челюсть, а свободно болтались на вытянутой морде, но почему-то зверь слушался.

– Как она понимает тебя? – спросил Омиас.

Корицик, покачиваясь из стороны в сторону, долго не отвечал. То ли не хотел, то ли подбирал слова.

– Воспитание, – отозвался вдруг и замолк.

«Воспитание» – повторил про себя Омиас, ничего не понимая.

Тут Корицик протяжно и тихо свистнул. В эту же секунду корги повернул направо.

– Она и так умеет! – восторженно вскрикнул Омиас за спиной всадника.

Тот шикнул на него:

– Не кричи. Много что она умеет.

Так они продолжали идти молча, пока не добрались до поселения. Домики в нем будто выросли в кору деревьев, а то и вовсе находились в дуплах или пнях как кузнецкая хижина. Очевидно, самые состоятельные эльфы могли позволить себе беззаботную жизнь высоко над землей. Ведь зимой можно

было не уходить в полную спячку, а наблюдать за красотой заснеженного леса. Правда, за такое «счастье» приходилось ту же затягивать пояса ближе к весне.

Главная протоптанная тропинка была пустой, лишь изредка из травы по бокам показывались живые силуэты и тени, хозяева которых были заняты чем-то очень важным.

Вскоре они остановились около разросшегося куста орешника, в середине которого располагался на удивление широкий, но крепкий дощатый дом. Из него выглядывали еле заметные окна, торчали насквозь ветки и сам он был будто частью кустарника. Омиас выглянул из-за плеча Цейла и тихо произнес:

– Мы на месте?

Корицик хмыкнул в ответ.

Привязав и расседлав Дичку позади орешника, Корицик оставил ее на подстилке из опилок и двинулся ко входу в дом. Омиас поплелся за ним еле смыкая уставшие, растянутые от поездки ноги.

Робко переступив через порог, он тихо прикрыл за собой массивную дверь. Перед ним открылся первый этаж. Повсюду стояли столики, стулья, а с противоположной стороны серый камин, в котором догорали остатки бревен. Запах, перемешанный с костром и чем-то сладким, успокаивал хрониста, и он, позабыв о времени, зачарованно стал расхаживать по дому. Все же внутри было не так просторно, как это могло показаться снаружи.

Корицик снова куда-то исчез. Омиас осторожно подошел к странному высокому столу, который занимал почти всю левую стену дома. Он был длинный и забрызганный чем-то липким. За ним находились разные шкафчики и полки со всякими травами, деревянными и глиняными кружками, кувшинами и остальной посудой. Омиас задумался, сколько же эльфов тут живет? Десять, двадцать? Может, тетя Цейла решила приютить не только Корицика, но и других сирот?

– Что-то выбрали?

Омиас вздрогнул и обернулся на женский голос.

– Это вы мне?

Коренастая эльфийка в возрасте широко улыбнулась и, не замечая растерянности хрониста, подошла ближе, оказавшись по другую сторону стола.

– У нас появилась изумительная ягодная настойка из земляники и крапивы. Сожжет язык так, что до утра говорить не сможешь, – прощebetала она, оглядываясь на полки.

Хозяйка замолкла и повернулась к гостю.

– Хотя нет, такому славному росточку не стоит пить взрослую отраву. Лучше...

Достав откуда-то снизу кувшин, она открыла его. Омиас почувствовал еле уловимый аромат.

– Я называю его «ореховый мед». Ну-ка, понюхай!

Хронист подвинулся ближе и вдохнул сладкий медовый аромат, смешанный с лесными перетертыми орехами.

Тут из проема двери показался Корицик. Он подошел к

женщине:

– Познакомься, это Париша, моя тетка, – Цейл махнул рукой на хрониста.

– Омиас Курку, – отозвался он и приветливо поклонился. Женщина изумленно посмотрела на Цейла и вздрогнула.

– Ой, я совсем заработалась, ты же хронист из королевства! А я думаю, чего это ты такой ухоженный, незнакомый, да и плащ дивный.

Она тут же налила в деревянную кружку напитков и протянула Омиасу.

– На первый раз ничего не прошу.

– Как это? Вы это продаете? – недоверчиво спросил Омиас.

Хозяйка с улыбкой посмотрела на Корицика, который собирал посуду:

– А я тебе говорила, нет им дела до эльфийского веселья. Вон, этот росточек даже в тарвинке никогда не был, а ты мне что? Ворчал всё, что все следопыты да охотники пьют как проклятые, – Она рассмеялась.

– Тарвинка? Что это за место?

Хозяйка раскинула руки и воодушевленно произнесла:

– Это и есть тарвинка. Место, где каждый рабочий может расслабиться после тяжелого рабочего дня да своих соседей встретить. Потанцевать, испить напитки, а если уж совсем станет скучно — спеть любимые песни у камина.

Она толкнула в бок Корицика, который продолжал убор-

ку. Омиас усмехнулся и, покрутив кружку с настойкой, заметил, как на одной из ее сторон росли маленькие желтые грибы с широкими извивающимися шляпками.

– Это закуска, росточек, – пояснила хозяйка, не сводя с Омиаса такие же янтарные глаза как у Корицика. Они вообще были чем-то похожи. Такого же цвета волосы, черты лица. Омиас осторожно отломил гриб и съел его.

– Я нигде особо не был, наш двор скучноват для веселья. Да и повеселиться не с кем. – наконец ответил Омиас. – Теперь я понимаю, где пропадают охотники.

Он робко отпил жидкость и ощутил на языке вязкий вкус перемолотого ореха с забродившим медом. Вдруг хозяйка встрепенулась:

– Да ты поди голодный. Сколько же искал Корицика? Весь день небось!

Не дожидаясь ответа, она ушла в другую комнату. Омиас посмотрел на рядом стоящего Цейла, который протирал посуду. Тот лишь пожал плечами. Решив слегка размять ноги, Омиас потоптался на месте и вдруг наступил на что-то хрустящее. Он поднял стружку и протянул ее Цейлу:

– Это не вы потеряли?

Корицик небрежно выхватил находку и, раскрыв двумя пальцами, еле заметно кивнул:

– Вы, мы говори нормально, я не настолько стар, – вдруг буркнул он.

– А что это за символы? – спросил Омиас, подсмотрев.

Рука зрителя дрогнула. Проведя пальцами по странным фигуркам, он нехотя доложил:

– Я изобразил двух корги, что сегодня на том поле стояли. Вот Касатик, у него большая белая полоска на лбу и лопуховые уши. А рядом Мятлик, он темнее и меньше, не так давно щенком был.

Говорить о корги Корицику нравилось больше, чем о судьбе лесного народа. Омиас это ловко подметил, смотря как он улыбается, рассказывая о них. Было понятно, что зритель не умел писать и вряд ли знал грамоту. Ему явно было не по себе от этого, особенно в компании молодого хрониста из королевства. Поэтому, прослушав все до конца, хронист улыбнулся и кивнул. Корицик убрал в карман стружку.

Наконец эльфийка вернулась с тремя плошками различных вкусов и поставила перед хронистом. Тот, боясь обидеть хозяйку, взял пару орешков и ягод.

– Найти Корицика мне помог кузнец. Он, как мне кажется, наугад сказал мне идти на ближайшее поле черники.

Париша удивленно приоткрыла рот:

– Этот старый ворчун Кипрей показал дорогу тебе, королевскому прислужнику?

Она уставилась на Корицика.

– Я сам в смятении, – отозвался он.

Омиас поспешно кивнул.

– Получается, мне не показалось, что у него скверный характер.

Хозяйка тарвинки грустно улыбнулась и, облокотившись на стол, вдруг прошептала:

– Корицик мне все рассказал.

Омиас тут же оживился и, допив настойку до конца, облизнул губы.

– Вы ведь когда-то были жителем королевства на севере? Что там произошло? – начал он.

– Все истории о том, как повздорили король Азиг и его сын Астрагал первый – правда. Но не более. – Париша вдруг замолкла, будто обдумывала сказанное, – Случилось что-то еще, но я, как и другие, не успела понять. Была занята побегом.

Вдруг Корицик бросил все кухонные дела и, подойдя к входной двери, запер ее на засов. Омиас напрягся, но продолжил:

– Северный король дал согласие на мирное переселение тех, кто этого хотел, – медленно произнес хронист, – а потом на Астрагала первого и ушедший народ напали волки.

– Волки появились еще в королевстве, – осторожно поправила Париша, и уголки ее рта слегка дернулись вверх.

Омиас нахмурился.

– Но ведь все истории говорят об обратном. Волки напали уже в нашем, южном лесу.

– Истории народа или королевских хронистов-наставников? – хозяйка прищурилась и больше не улыбалась.

Омиас не знал, что ответить. На секунду ему показалось,

что все его знания куда-то испарились, и он стал совершенно никем. Ему никогда не приходило в голову, что эта часть истории может быть опровергнута. Ведь в королевстве все знали только одну версию. Он опустил голову.

– Когда это произошло, пришлось бежать всем. И было уже не важно, какой стороны ты придерживался.

– Это произошло с вами? Вы хотели остаться там жить?
– Омиас посмотрел на Паришу и Корицика. Они слегка кивнули.

– Так если все сбежали, то кто тогда остался в северном королевстве?

– Либо кто-то сумел это пережить, либо никого, – развела руками Париша.

Мысли в голове завертелись с новой силой.

– Это же какая-то ерунда! – воскликнул Омиас, не поверив словам хозяйки. – Зачем тогда следопыты и разведчики каждый год рискуют жизнями во время похода туда и обратно, если там никто не живет?

– Такой вопрос лучше задать королю, а не мне. – Париша пристально посмотрела на хрониста и, сложив руки в замок, продолжила:

– Как только мы здесь устроились, королевская знать тут же отгородилась от простого народа. Только на Гульбище все рабочие, смотря на ярмарку и веселье, вспоминают, что у них есть правитель. Некоторые его любят, другие бранят за тяжелый летний труд. Но итог один - раскол. Я это наблю-

дала там, теперь здесь. Все повторяется. А ты – сказала она вдруг строго, – хочешь это ускорить! Там, где гнилая мысль – скверный поступок.

– Вы не понимаете, я же хочу как лучше!

– Ты хочешь, но не знаешь последствий. Да и что там в голове у Астрагала второго, одному червяк понятно. Его отец был куда умнее и добрее. Обустроил поселение, посадил шиповник, нашел и приручил корги, а после его смерти все перекосилось. Так что лучше не связывайся с этой темой, целее останешься. Тем более, для начала тебе надо разобраться, в какую историю веришь ты сам.

– Я вас понял. – неуверенно произнес Омиас и тут же вздрогнул.

В дверь тарвинки кто-то постучал, потом дернул за ручку:

– Это королевская охрана, откройте! – послышался крик снаружи.

Все тело пронзил страх, ноги стали ватными. Омиас испуганно покосился на Паришу.

– Это за мной, – голос дрожал. – Они узнали, что я сбежал.

Хозяйка хотела было что-то сказать, но вместо этого направилась к двери и зыркнула на Корицика. Тот кивнул и, дотронувшись до плеча хрониста, махнул рукой.

– За мной.

Они быстро, но бесшумно пробежали часть зала и, спустившись куда-то вниз, оказались у старой пыльной двери. Корицик слегка приоткрыл ее и выглянул. Снаружи уже

стемнело. Небрежно пропихнув в проем хрониста, он прошептал:

– Иди прямо, не сворачивая, выйдешь к кузнецу. А там и к себе. Не медли. А то скоро проснутся совы.

Омиас огляделся и часто закивал.

– А как же наш разговор?

– Париша все сказала, не делай глупостей, – помедлив, Корицик добавил,

– И не приходи сюда больше.

Он закрыл дверь, проигнорировав возмущение королевского прислужника.

Омиас шумно выдохнул и, посмотрев налево, замер. За ним, не моргая, наблюдала Дичка. Она сливалась с упавшей листвой и как будто чего-то ждала. Боясь повернуться спиной, Омиас осторожно стал идти вдоль стены дома. Тут слышались чьи-то шаги. Не сбавляя темп, они приближались к зверю, и тот поднял голову в сторону источника звука.

– Корицик Цейл, на вас снова жаловались сегодня, – сказал кто-то насмешливым голосом. – На северном поле драка, а вы?

Омиас прижался к стене дома и медленно, перебирая ногами, стал приближаться к соседнему кусту. Тут пес перевел взгляд на него. Хронист сглотнул и, задержав дыхание, прыгнул в темные заросли. Он решил затаиться и переждать.

– Не понимаю цель вашего визита. Драку я разнял, никто не пострадал

– Никто? А урожай?

Оказалось, охрана искала вовсе не Омиаса. Силуэты выросли из ниоткуда. Корицик и двое эльфов в королевских накидках почти как у хрониста расхаживали вокруг пса, возмущаясь работой зрителя. Они указали на Дичку.

– Вы знаете, где должны ночевать корги. Опять нарушаете! – сказал самый высокий из них. – Хотите, чтобы и здесь было небезопасно?

Корицик ничего не ответил. А корги слегка приподнял верхнюю губу, обнажая зубы.

– Вот вернется Кизил Хало, я все ему доложу. Пускай знает, как здесь без него дела делаются, – процедил грозно охранник и вновь скрылся за стеной тарвинки. Корицик кратко огляделся и последовал за ним. Все стихло.

Омиас вылез из кустов с другой стороны и трусцой поспешил в королевство. Всю дорогу его тревожили мысли о новых подробностях, связанных с расколом эльфийского народа. Волки решили судьбу эльфов за них? Но почему? И кто тогда прав? Ночь обещала быть долгой и безответной.

Глава 2 Охота Дёрена

«Когда сольется шерсть с листвой - готовься к спячке.»

– А волков тут нет?

Подул ветерок, и лес затрещал голыми ветками. Мальчик осмотрелся, болтая ногами, которые утопали в черной шерсти пса.

– Уже боишься? – Кизил усмехнулся, не выпуская поводья из рук. – Весна вот-вот задышит. Трава прорастет с новой силой и скоро будет касаться твоих босых ног.

– Мне совсем не холодно! Да и не хотел я по земле ступать!

– Твоя мать говорила так же.

– Она тоже была охотником?

– Приходилось какое-то время.

Они шли медленно, вдыхая весенний воздух. Он стал другим, будто ожил от долгого холодного сна. И все наполняло его; трава, распутившиеся почки, лесные родники, щебет птиц.

Корги шел бодро, обнюхивал влажную землю и изредка облизывался. Кизил и Дёрен синхронно раскачивались на спине пса.

– Охотники – это кормильцы поселения, – вдруг продолжил Кизил. – Благодаря им растет вся сила нашего рода эльфийского. Если добычу не принесешь – семья голодает, а ес-

ли пса не покормишь – жди беды.

– Псы что, могут и нас съесть, если их не задабривать добычей? – выкрикнул мальчик.

– Я слышал историю, как однажды один дозорный не кормил своего пса неделю, а потом во время обхода корги понес его в лес. Больше их никто не видел. Ни пса, ни хозяина. Контроль никогда не был плох, особенно с корги. Есть что-то волчье в их глазах, что-то неподвластное нам. – Кизил открыл фляжку и выпил.

– А мне? – сын протянул руки.

– Рано еще! Окрепни сначала! – отец рассмеялся. – Но прежде до стремян дотянись.

Мальчик посмотрел под ноги.

– Наловлю мышей и зайцев! – он обернулся к отцу, – и пить эту жижу буду!

– Как заговорил! Сразу направлю тебя к егерю, когда сам управлять псом сможешь, – повторил отец, теряя терпение.

– Обещаешь?

Они все шли и шли, а лес не заканчивался. Елки сменялись кустарниками, увядшая трава еще спала. Наконец, после долгой паузы, Кизил произнес:

– Я присмотрю за тобой.

Он потрепал сына по голове и тот заулыбался.

Где-то за колючим шиповником, в запутанных осенних зарослях, что склонились к земле, раздавались чьи-то голо-

са. Они то затихали, то становились громче лесного шума, да настолько, что даже птицы умолкали и слушали.

Группа охотников сидела у тлеющего костра и каждый из них, облокотившись на корги, что-то громко обсуждал с соседом. Уставшие псы послушно ждали, когда всадники наконец отдохнут, закинут на широкие спины пойманную добычу и отправятся в родное поселение пока не стемнело. Но никто не спешил и не боялся остаться подольше в лесу, хотя стрелы были истрачены, силы иссякли, а походные опустевшие фляги валялись на земле, утопая в мягком мху. Кто-то смело стал рассказывать историю о том, как поймал двух белок, карабкаясь за ними в дупло, а кто-то хвастался погоней за полевками ради зимних сапог для своей возлюбленной.

На месте не сиделось лишь одному охотнику. Он быстро осушил прошлогоднюю настойку земляники и упрямо просил добавки, подходя к каждому, кто был слишком разговорчив, а затем задумчиво расхаживал вдоль тлеющего костра, укрывшись накидкой с заячьим летним мехом. Изредка он посмеивался над услышанными историями и подкидывал сухие ветки в уже тлеющие угли.

– Ты что-то совсем приуныл. Неужто ни у кого не осталось для тебя питья? – усмехнулся Вёх, выйдя из общей толпы.

– Как видишь, у меня уже пусто, – Дёрен слабо улыбнулся, пожившись от ветерка и, махнув рукой, отбросил от себя падающие листья.

– Раз твое настроение зависит от этого, тогда вот, – охот-

ник щедро перелил из своей фляги половину настойки, и Дёрен тотчас повеселел. Он наигранно поклонился, выставив одно колено вперед, и из-под накидки показались темно-коричневые шоссы.

– Мой дорогой друг! Ты точно станешь мудрым королем!

– Только если весь народ поддержит закон “наливать всем и каждому от рассвета до заката”! – Вёх отмахнулся и поднял флягу.

– Они только этого и ждут – Дёрен с жадностью выпил. Они молча посмотрели на слабый огонек пламени, который, вскарабкавшись по еловым веточкам, перепрыгнул на березовую кору, ярко вспыхнул и окончательно погас.

– И все же спор я выиграл! – неожиданно вскрикнул Вёх, указывая на своего корги вдалеке, – ты говорил, что я и пяти мышей не поймаю! Но приглядишься-ка, один, два целых шесть!

– Тяжело признавать поражение, – Дёрен наигранно вздохнул. – Небось снова жульничал!

– Неужто всегда тебе побеждать в спорах? – рассмеялся Вёх.

Дёрен широко улыбнулся, и его длинный нос с горбинкой покрылся тонкими морщинками. Вёх сел на корточки у костра и стал ворошить его обгоревшей палочкой.

– Откуда ты знаешь эти места? Территория же не объезжена, да и шли мы почти вслепую. – спросил Вёх.

– В детстве с отцом здесь ездили. Не было еще нор мыш-

ных, только трава. Особенно весной, как ни странно, было очень красиво. А если поехать к западу, там открывается вид на большую поляну и ручей. Кажется, он идет от самых гор. Вода ледяная и такая прозрачная, что видно как водоросли на дне колышутся. – Дёрен присел рядом. – А ты зачем с нами увязался? Наследнику нечем во дворце заняться?

– Охота меня привлекает лишь ощущением свободы. Я бы выезжал так, для забавы. Рассекать по лесу, охотиться за мышами. А потом, распотрошив их, вспоминать где расставил ловушки и отмечать их на карте. Думаю, в будущем это правда станет забавой для меня, а, может, и для целой знати королевской. – усмехнулся Вёх.

– Господа! Снова сорочитесь? – устало спросил егерь Каул, подходя ближе.

Вёх приобнял друга и расплылся в улыбке:

– Да мы добычу обсуждаем, чего тут такого?

Егерь хмыкнул, и на его сморщенном лбу можно было разглядеть еле заметный пот, перемешанный с грязью.

– Собираться пора, пока не стемнело. А тебе, – Каул перевел взгляд на Дёрена, – смотри у меня, не хватало еще, чтобы ты с седла свалился по приезду, вот позор-то будет. Наклюкался как всегда, а отвечать мне!

Дёрен небрежно махнул рукой:

– До такого состояния мне еще далеко, егерь!

– Как и дорога домой, – Каул протянул руку, и Дёрен неохотно отдал спрятанную наспех флягу.

– Зря вы так! Дёрен столько всего сделал, а вы опять ворчите. Да посмотрите на этих стариков! – Вёх показал на остальных охотников, – Думаете, они не меньше настойки пригубили? А я?

– Вы, мой дорогой принц, вернетесь в королевство и будете сидеть там всю зиму, в окошко поглядывать, ожидая свое восхождение на трон. А ему еще пахать и пахать, чтобы в итоге решить, кем стать в нашей деревне: охотником или посмешником, который чернику все лето собирает! Пугать мышей, гонять птиц, показывая прекрасную выездку пса - это делает из него сороку несчастную, но никак не охотника.

Каул наклонился к Вёху и очень тихо произнес:

– Не выставляйте хотя бы себя сорокой, вам это не к лицу.

Егерь обернулся, пронзительно свистнул, и застывший неподалеку отряд резко оживился.

– Довольно болтать! Или вы хотите здесь остаться до весны? Теплой зимы, господа, пора домой! – крикнул он охрипшим голосом.

Немного помедлив, охотники как один подняли настойки над головами и прокричали: «Теплой!». Каждый приобнял соратника и поздравил с окончанием сезона охоты. Корги залаяли, затем завыли, не поднимаясь с прогретых мест. Веселье продолжилось, кажется, с новой силой.

Вёх и Дёрен поднялись и затушили тлеющие веточки землей.

– Надоело расставлять ловушки и слушать эти приказ-

ные тоны. Поскорей бы новый сезон. – Покачнувшись, Дёрен отряхнулся от пыли.

– Ты думаешь, там что-то изменится? – осторожно спросил Вёх, призадумавшись.

– Скоро начнется новый набор, а с ним и новый егерь понадобится. И я займу это место! – Дёрен направил на себя большой палец.

– Но ведь в егери берут стариков, кто в лесах уже не первый год. Если только твой отец замолвит словечко. Или, может, я поговорю с королем, и он найдет тебе нормальное занятие? В королевстве?

Дёрен рассмеялся.

– Не нуждаюсь. Я что, похож на знатную особу? Ходить во всем чистом, с ароматом ели и шиповника? Боюсь, я помру от скуки. Не воспринимай ты Каула всерьез, ему надо просто отчитаться перед моим отцом, что я здоров, полезен и не упал с седла у всех на виду. – Дёрен, усмехнувшись, достал из кармана еще одну флягу, – И пока этот старый егерь уверен, что может контролировать меня, я могу немного расслабиться.

Вёх тут же повеселел и облегченно выдохнул:

– Тебя ничто не изменит! – Он одобрительно похлопал Дёрена по плечу. – Ты будешь самым веселым егерем!

Вёх направился к своему псу, а Дёрен, вдоволь напившись, запел:

Утром топит нас роса,

Не слышны нам голоса

«Пойманных зверей!», – прокричали охотники хором.

– Во Дёрен дает! – крикнул кто-то.

Лес укроет всю печаль.

Ни тебе, ни мне не жаль

Присмотрись в лесную даль

Догони, убей!

Все стали собираться домой, повторяя куплет за куплетом. Голоса расплзлись по чаще, да так звонко, что охотники не слышали, как к ним кто-то стремительно приближался. На поляну выскочили два всадника, напугав всех.

– Егерь, вам надо это увидеть! – прокричал один из них.

Каул обернулся:

– Говори.

– Там в ловушку заяц провалился, – всадник пытался перевести дыхание. – В восточной стороне, у дубового пня, огромный! Больше, чем наши псы будет! А голова с ушами Мне рук не хватит показать всю длину!

Второй всадник часто закивал и добавил:

– Если вытащим, нас на руках в поселение занесут

– Да и пес с ним! – неуверенно махнул рукой Каул, и некоторые корги покосились на него. – Вылезет пока мы доедем туда, да и стрел уже нет.

Он попятился на собравшихся охотников и те, замолчав, разбрелись по округе.

– Так ведь, – начал другой всадник, – помер он в яме той.

Мы сколько ни наблюдали, не двигается. Жалко зверя такого оставлять, вдруг плоть не пропала еще. Да и нам на шубки сгодится, холодать стало рано.

– Когда сольется шерсть с листвой – готовься к спячке, – задумчиво протянул один из охотников. – И правда, времени мало осталось. Такая добыча пропадает, пока мы за мышами по земле остывшей ползаем.

– И как вы предлагаете его ловить? Руками?

Дёрен подошел ближе:

– У нас есть веревки и ловушки. Загоним его в другую, если из этой выберется.

– Зайцы долго не лежат. Точно помер, – крикнул еще кто-то.

Все уставились на Каула. Старый охотник тяжело вздохнул и, прогнувшись в спине, осмотрелся.

– Вы хотите всю ночь бродить и тащить зайца? Вам не хватило трех недель скитания по лесу?

– Разве не вы всю дорогу гадали, какой бы трофеей привезти домой, похвастаться детям своим, жене? Или вам мышшей хватит?

– Не подстрекай меня! – Каул на секунду задумался, – ладно, на месте решим.

Яма оказалась действительно глубокой. Сухие листья темным слоем закрывали дно и корни деревьев, выползающие из ее стен, еще больше мешали обзору. Охотники, окружив

яму, слезли с псов. Каул мельком заглянул вглубь, стараясь не наступать на сухие ветки. Тут он отпрянул и недовольно буркнул

– Нет там никого.

Двое эльфов из разведки поспешно подошли к яме, но, ничего не увидев, тут же притихли.

– Может, сбежал...

– Очевидно же! Вы, олухи, совсем слепые? Мы из-за вас лишний круг сделали!

Слегка пошатываясь, Дёрен прошел мимо кричащего егерь и сел на край ямы. Он долго смотрел сквозь листья, пытаясь увидеть хоть что-то похожее на летнюю бурую шкуру.

Косматый ярко-рыжий корги подошел к Дёрену и лег рядом, раскрыв огромную пасть. Пес начал шумно дышать прямо в лицо охотника и тот, глухо покашляв, пытался оттолкнуть его, тыча грязными руками в волосатую щеку.

– Жарок, тебя еще не хватало, отойди.

Но пес будто не слышал. Он смотрел сквозь заросли, о чем-то задумавшись. Разозлившись, эльф хотел было уже подняться, как вдруг зверь затих. Губы сомкнулись, а мокрый нос задвигался из стороны в сторону. Послышался устрашающий гул. Дёрен на миг замер и украдкой взглянул на пса.

– Ну ничего, зато раньше вернемся да живее будем, – подытожил кто-то из толпы, и все согласились.

– Погодите... – сказал Дёрен себе под нос. Подул холодный

ветерок, и на землю новой волной стали сыпаться осенние листья. Они накрыли лесную землю почти полностью. Оранжевые, желтые, увядшие, все как один - мертвые. Охотник осторожно привстал и обернулся в сторону Каула.

– Он здесь.

Сначала его не слышали из-за шума и смеха, но потом, когда Жарок вновь подал рык, все затихли. Егерь напряженно поднял руку вверх. Охотники приблизились к яме и взглянули на ворох гнилых листьев. Внизу лежала туша. Словно завернутая в одеяло, она была готова ко сну. Вечно-му сну.

– Вот это улов! Как бы до ночи успеть его до ворот дотащить, – прошептал кто-то.

– За шею цеплять надо, – сказал Каул и поплелся к своему псу за веревкой. Вёх безразлично плюнул в яму и громко шаркнул ногой по сухой земле. Заяц не шевельнулся. Охотники окружили яму и по очереди стали забрасывать веревки на голову зайца, но никто так и не попал. Подождав еще немного, Каул взял лассо и бросил. Веревка зацепилась за морду и оказалась на шее.

– Егерь! Ну вы даете! – восторженно прошептал кто-то.

Все стали хлопать и ликовать, как только веревка закрепилась на шее окоченевшего зайца. Каул одобритительно кивнул и резко затянул петлю.

Дёрен облегченно рассмеялся, но, взглянув на звериную морду, резко помрачнел. Ноги вмиг вросли в холодную зем-

лю и застыли. Возгласы охотников превратились в гул. Из темной ямы, куда почти не падает свет, распахнутое глазище смотрело прямо на него. Не моргая, оно двигалось то в одну сторону, то в другую, а за ним и тело. Массивные лапы в один миг появились из черной земли, раскидывая ее. Когти словно мечи вонзились в стенки ямы и позволили зверю стряхнуть с себя весь накопленный ворох листьев. Спина прогнулась, голова устремилась к кронам. Послышался визжащий звук, закладывающий уши.

– Он живой! Живой!

Дёрен обомлел и, отойдя назад, упал на спину. Все разбежались. Каул еле слышно ругнулся и злобно схватил крепче веревку. Приподнявшись на задние лапы, заяц огляделся и, перепрыгнув через охотников, скрылся в кустах. Веревка устремилась за ним, оставив егеря на земле. Некоторые непривязанные корги побежали вслед, завывая.

– Дёрен! – крикнул Вёх, уже оказавшись на своем псе.

Дёрен кивнул и, забравшись на Жарка, ринулся за добычей.

– Стойте! Я не давал приказа! – крикнул Каул.

– Он хромает! Догоним! – запоздало бросил Вёх, и вместе с Дерёном скрылся в осенней чаще. Охота началась.

Пробираясь сквозь заросли, охотники еле успевали за мелькающим впереди заячьим хвостом. Корги то ныряли, то прыгали через ветки. Дёрен хлипко держался в седле, все еще приходя в себя, и совсем не верил в случившееся. Он

представлял, как вносит в одиночку голову зайца, как все ликуют и носят его на руках, как Каул признает его настоящим охотником и нарекает егерем.

– Хочу посмотреть на лицо отца, когда он узнает, что я завалил его.

– Что ты говоришь? – крикнул Вёх.

Дёрен мотнул головой.

– Нам надо загнать его, иначе он загоняет нас. Хоть он и хромает и бежит на своих трех, все равно быстрый!

– Нужна ловушка поблизости.

– Мы забежали слишком далеко, все ловушки позади. Разворачивать надо!

Недолго думая, Вёх ответил:

– Развернем, если замкнем его с двух сторон.

Дёрен одобрительно кивнул и, привстав над шеей пса, стал посылать его ногами:

– Пошел, пошел!

Жарок запыхтел и, вытянувшись, ускорился. Оторвавшись вперед, Дёрен повеселел. То ли от сладкой настойки, то ли от азарта охоты. Будто вырвавшись из волны бесконечных разговоров, шуток и бессмысленных плясок, он почувал себя спокойнее. Листва исчезала из виду, превращая заросли в сливающуюся зеленую дорогу. Заяц приближался, и земля, вылетающая из-под его костлявых худых лап, попадала прямо в лицо и на одежду. Дёрен пригнулся, пытаясь спрятаться в холке пса. Длинный язык Жарка болтался, и слюни попа-

дали прямо на шоссе и высокие сапоги.

На миг Дёрен поверил в чудо, будто вот-вот он догонит добычу и сможет ухватиться за край веревки а, привязав к седлу, остановить ее. Такой был его мимолетный план. Вдруг зверь пропал, резко нырнув в ближайшие кусты. Дёрен, натянув поводья, прыгнул за ним и кое-как выбрался с другой стороны. Перед ним появилась поляна. Шумно дыша на пару с корги, Дёрен вертел головой в разные стороны. К нему подоспел Вёх.

– Упустили? – запыхавшись спросил он.

Дёрен прислушался. Все стихло, будто никакой охоты и не было.

– Не может быть все так просто.

Дёрен разозлился, дернув за повод развернулся на месте и стал бродить по поляне, выискивая хоть что-то похожее на след зайца. Пройдя пару кустов, он наткнулся на кусочек меха, который болтался на ветке.

– Помет вороны, – Вёх шумно выдохнул, убирая пот со лба. – Все же упустили.

– Не говори так! – рявкнул вдруг Дёрен, – Ты не понимаешь? Это был шанс! Всего одна охота отделяла меня от прислужника до егеря!

– До егеря тебе далеко, Дёрен. – сказал кто-то сбоку. Охотники обернулись и увидели Каула.

Верхом на псе, он ступил на поляну и небрежно что-то кинул Дёрену. Это была охотничья маска.

– Прежде чем носиться по лесу как укушенный ежом, не забывай о будущем дне. Разобьешь голову и точно никем не станешь.

Пересилив недовольство, Дёрен надел маску, скрывая черные локоны.

– Вы так добры, – саркастично просипел он в ней. Взяв шерсть в комок, Дёрен наклонился к морде пса и прошептал:

– Ищи.

Пес пару раз чихнул и, приняхавшись, опустил голову. Все молча наблюдали. Жарок вновь издал рык и уставился в ближайшие густые кусты.

Каул напряженно шепнул:

– Окружаем.

– Он опять убежит, – влез Вёх, – нам надо загнать его в ловушку.

– Развернуть и погнать к нашим, а там по южной полосе к орешнику на развилке, – продолжил Дёрен.

– Буду ждать вас там, – цокнул Каул, нахмурившись, – Только недолго. Как только солнце пропадет, домой двинемся. Ждать никого не будем.

Дёрен с Вёхом разом кивнули и, как только Егерь скрылся в листве, направились к жертве. Обойдя с двух сторон, без лишнего шума, эльфы остановились. Они посмотрели друг на друга и через пару мгновений закричали. Псы залаяли, запыхтели, еле стоя на месте. Шерсть поднялась дыбом, глаза округлились. Птицы замолкли, разглядывая их с деревьев.

Дёрен оторвал ветку и стал тыкать в кусты, вытравливать. Заяц фыркнул, топнул ногами и выпрыгнул, повизгивая. Жарок тут же кинулся с места за ним, и Дёрен, удержавшись в седле, крикнул:

– За мной!

Вёх устремился за Дёреном. Они вновь начали преследование.

Корги заметно устали. Короткие лапы путались в зарослях, вязли в рыхлой сухой земле и цеплялись за торчащие корни. Охотников трясло из стороны в сторону и бросало то назад, то вперед. Дёрен окончательно пришел в себя и, невзирая на усталость зверя, требовал большего, с силой пиная в бока.

Увидев знакомые деревья, кусты и тропинку, охотники напрыглись. Заяц, несясь на трех лапах, не сдавался, пыхтел, озираясь по сторонам, но почему-то не сворачивал.

Где-то вдалеке появился силуэт ждущих охотников. Они встали в длинную шеренгу, дабы закрыть дорогу, туда, где ничего нет, кроме полей, кустов и голой земли. Дёрен усмехнулся. Осталось дело за малым. Куда бы ни ринулся заяц, ловушки не избежать. Понемногу расслабившись, он замедлил Жарка, и зверь, повеселев, урчаще засопел. Вёх устремился вперед, обогнав соратника. С каждым скачком они приближались.

Охотники еле сдерживали корги под собой. Те выли, топтались на месте и, вскинув головы, радостно выли. Но заяц

не сбавлял ходу, а только ускорялся. Егерь прищурился и пытался разглядеть в стеклянных выпученных глазах жертвы что-то предсказуемое, пытался понять, куда же он побежит: налево или направо. Но зверь все решил. Подбежав вплотную к живой колонне, он, припав на секунду к земле, устремился ввысь и перепрыгнул охотников. Ошеломленные, все сбились в одну кучу, барахтаясь и поднимая клубы песка с протоптанной тропинки. Вёх кое-как пытался остановиться, но врезался в кого-то, бранясь. Дёрен, не успев выдохнуть, проскочил в образовавшуюся в куче щель. Он вновь ускорился и, встав над холкой корги, злобно посмотрел на болтающийся вдалеке пушистый хвост.

– Придется ловить, - прошептал он, оставшись один.

Азарт превратился в ненависть к неуловимому созданию. Дёрену хотелось превратиться в сову, бесшумно подлететь к жертве и грубо взять ее за шкуру. А потом взлететь высоко-высоко, швырнуть на холодную землю и любоваться, как она корчится от боли и визжит, сломав кости. Жарок потихоньку сдавал и, задыхаясь, спотыкался о коряги. Он начал поскуливать, но вместо ласковых слов лишь получал по бокам. Заяц стал приближаться. Его шатало из стороны в сторону. Казалось, вот-вот и он рухнет на землю. Дёрен грубо сорвал веревку с крепежей седла и одной рукой стал размахивать ею.

Охотник и жертва поравнялись. Дёрен, прицелившись, кинул лассо. Осечка. Петля скатилась по длинным ушам и

исчезла в траве.

– Вороний помет!

Он достал еще одну и тут же кинул. Заяц дернулся, и уши поймали петлю. Дёрен, стиснув зубы, стянул ее на шее. Осталось как-то повалить жертву и заколоть. Эльф посмотрел в огромный глаз зверя. Он не моргал, не выражал никаких эмоций, будто был без души.

Жарок, хрипя, стал наваливаться сбоку и, скалясь, пытался укусить костлявые ноги добычи. Дёрен старался усмирить его, что-то неразборчиво крича. Но корги не слушал. Они неслись куда-то в глубину чащи, туда, где заканчивается территория эльфов.

Дёрен почувствовал незнакомый холодок. Он пригнулся. Руки еле держали поводья и предательски затряслись. Эльф посмотрел на жертву и из последних сил потянулся к ее шерсти. Ухватиться, забраться на шею и повалить, запутать ноги веревкой, сделать хоть что-нибудь, лишь бы остановиться и вернуться назад к охотникам.

Тут заяц будто усмехнулся. Он поднял верхние губы, дернул усами и чихнул. Дёрен резко наклонился к шерсти и, опираясь на одну ногу, вытянул руку к загривку зайца. Вдруг жертва дернулась в сторону, а за ним и Жарок. Дёрена тряхнуло и все, что он успел – это испуганно вскрикнуть. Спина согнулась, тело перестало держать равновесие, и эльф вылетел из седла напрямик под толстые лапы корги.

Очнулся Дёрен уже на земле, тяжело дыша. Он перевер-

нулся на живот, ощущая как горят его ноги и бок. Попытавшись встать, эльф оперся обо что-то колючее и, злобно зарывав сквозь зубы, приподнялся. Заяц убежал. Вдалеке все еще был слышен его топот и шелест кусов, через которые тот пробирался. Тело дрожало, и новая волна слабости накрыла Дёрена с головой. Он лег. Уставившись на небо, эльф подумал, до чего вся эта погоня была бессмысленной. Эльфы слишком малы для подвигов. Вот если бы он был лисой, медведем ну или даже зайцем, все выглядело бы куда оптимистичнее. А, может, волком?

Дёрен покрутил головой, отгоняя мысли. Он взял в руки то, что приносило жгучую боль и поднес к лицу. Изогнутая железная диковина с крючком на конце показался очень знакомой. И догадка пришла не сразу. Эльф часто задышал, крутя предмет в руке, будто не веря в его существование. Непонимание и злость вновь затуманили голову. Послышался топот. Дёрен быстро засунул железный инструмент в карман. К нему приблизился Вёх и Каул. Егерь сплюнул. На его лице читалось недовольство.

– Добегался! - крикнул он, сидя верхом.

Вёх обеспокоенно слез с корги. Он поспешил к Дёрену и протянул ему руку. Тот шикнул от боли и встал. Вся спина была в грязи, листья окрасили светлые шоссе в зеленые узоры, камни проткнули рубаху и она испачкалась кровью. Потрепанный охотой, Дёрен кое-как разогнулся и свистнул. Из дальних кустов показался Жарок и не спеша подошел к

охотнику. Пес недовольно пыхтел, волоча язык по земле.

– Далеко же ты убежал, еле нашли! - Вёх скрестил руки на груди, осматриваясь.

– Ты не слышал приказа? – Каул снова стал наседать, – Я велел закончить эти бессмысленные ловли! А если бы ты упал насмерть? Что я сказал бы твоему отцу?

Дёрен закатил глаза, взяв за повод корги.

– Я уже достаточно взрослый, могу сам о себе позаботиться!

– Если бы Кизил Хало был мне просто знакомым эльфом, я бы и ухом не повел. Сгинул бы ты здесь и все!

– Я сам могу решить, что делать!

– Да ты, бестолковый щегол, смеешь еще кричать на меня?

Их спор прервал Вёх.

– Смотрите!

Он указал куда-то в дальние кусты. Охотники осторожно подошли к месту и увидели чью-то самодельную ловушку. Вырытая яма, прикрытая ветками, натянутая веревка у ствола молодого дерева. Все это выглядело подозрительно. Каул нахмурился.

– Кто-то здесь из наших похозяйничал?

– Из поселения, - сказал Вёх, – я недавно слышал, как кто-то говорил о частных ловушках, но думал никто не осмелится нарушить запреты.

– Ты думаешь сюда пешком добрались? – Каул наклонился к веревке, не касаясь ее.

– Голод заставит много преодолеть. – ответил Вёх.

– Даже закон нарушить. Да, дела у нас серьезные намечаются. – Каул нахмурился.

Дёрен молча наблюдал, не желая влезать в разговор. Его пробирала дрожь, которую он не мог унять. Будто это его ловушки были расставлены в хаотичном порядке за пределами охотничьей зоны. Казалась, вся боль от охоты ушла на второй план.

– Так это что, и есть тот самый нейтральный лес, в котором живут волки? – воскликнул вдруг Вёх и двое охотников на него уставились. Они приставили пальцы к губам.

– Потеше

Вдруг послышалось карканье ворон. Черной волной птицы стали прибывать на поляну к охотникам и пристально разглядывать их. Эльфы поежились и, не сказав больше ни слова, быстренько забрались на псов и покинули открытое место. Дикий лес с кричащими, голодными птицами и неприветливым мрачным видом остался позади.

Отряд охотников настиг поселения только к закату. Огромные кусты шиповника стойкой стеной закрывали всю площадь королевства, и лишь в одном месте колючего круга была видна еле заметная выемка, ведущая в тоннель. Всадники по очереди зашли вглубь кустарника и, пытаясь не наткнуться на толстые колючки, ложились вдоль мохнатых спин корги. Ворота в конце лиственного тоннеля подсвечи-

вались еле горящими факелами, и как только эльфы приблизились к ним, егерь глухо постучал. Его корги устало фыркнул и отряхнулся. Ворота какое-то время молчали, а затем, скрипнув, стали расходиться в стороны. Спокойствие проникло в сердце каждого охотника. Наконец-то они были дома. Уставшие, потные, в грязных одеяниях, они ввалились в поселение шумно ликуя и крича, поднимая свою добычу над головой. Пришедшая толпа поселенцев тоже встретила их криками и возгласами. В основном это были родственники и друзья охотников.

Когда Вёх зашел в поселение, он демонстративно помахал рукой и вблизи стоящая кучка красивых эльфиек разом ахнули. Дёрен, идущий рядом, лишь закатил глаза, цокнул и тоже помахал рукой, улыбаясь. Эльфийки помахали ему в ответ, радостно вскрикивая. Вёх по-доброму усмехнулся.

Туши мышей свисали со спины корги и покачивались. Зеваки охали, но близко подходить боялись. Войдя всем отрядом, охотники направились дальше вглубь леса.

На распутье между поселением и королевством Дёрен и Вёх остановились. Каул прошел мимо и, кивнув, удалился.

– Так что, тебе понравилась охота? - подал голос Дёрен.

– Скука смертная, но последняя часть меня немного развеселила. Признаюсь, я думал, ты был самым неопытным из всех, а оказался просто занудой с талантом.

– Как забавно... То же самое я думал о тебе.

– Хватит болтать! Лови, охотник!

Вёх ловко срезал веревки и пара мышинных туш оказались в руке Дёрена. Тот вопросительно посмотрел на принца.

– Сестрице своей передай, а я к вам загляну как-нибудь. После Гульбища. Попробую ее стряпню... Может, женюсь! – тут Вёх рассмеялся.

Дёрен слабо улыбнулся и, развернув корги, направился в поселение. Мысли, как и энергия, тут же куда-то пропали.

Главная улочка опустела. Темнота сгущалась, и только дверь тарвинки подсвечивалась еле заметным светом от восковых свечей. Подъехав к ней, Дёрен сполз с седла и потянулся. Мышцы заныли с новой силой, тело покачнулось то ли от усталости, то ли от насыщенной настойки, что ударила в голову и никак не выветривалась. Подул слабый холодный ветерок, и Дёрен тут же вспомнил про диковину, что нашел на запретной территории. Он нащупал ее в кармашке накидки и тяжело вздохнул. Наконец, взяв в охапку туши мышей, Дёрен двинулся к двери тарвинки. Жарок увязался за ним и, толкнув носом в бок, проскулил.

– Возьму тебе что-нибудь, а пока жди здесь, – строго сказал Дёрен и корги послушно сел, провожая его уставшим взглядом.

Внутри было шумно. Эльфы отдыхали после окончания полевых работ и громко разговаривали. Как только Дёрен шагнул за порог, всеобщее внимание устремилось на него. Эльфы разом подняли стаканчики и что-то прокричали. Дё-

рен не смог разобрать. Он кивнул, коротко улыбнувшись.

– О, сынок Кизила вернулся! Дёрен, как охота? – прокричал кто-то в толпе.

– Я слышал, что от разведки уже неделю вестей нет... Может, случилось чего?

– Да сбежали они, - вдруг сказал другой, – видел я такое однажды. Сначала вестей нет, а потом говорят, что, мол, померли. Говорю вам, в Южном королевстве куда лучше, сидят там себе да мед пьют зимой, черникой закусывая.

Не обратив внимания на чужие споры, Дёрен прошёл вглубь тарвинки, укутанной запахом свечей и древесины и, наконец, смог полностью расслабиться. Охотник бросил мышей на пол за высокую стойку и сел на свободный стул, облокотившись на железную спинку.

– Поди там уже холодно?

Дёрен вскинул бровь на кузнеца, очутившегося рядом с ним.

– Там... за шиповником... – продолжил кузнец.

– Да-а... – протянул охотник.

– А Кизил... Кизил Хало вернулся? – не унимался кузнец.

Дёрен промолчал, глядя в его красные глаза.

– Опаздывает... – глядя в кружку бросил кузнец, ответив на свой же вопрос, и выпил.

– Дёрен! – Раздался женский голос с другой стороны.

Охотник обернулся и, не успев ответить, был тут же прижат к воздушной груди хозяйки.

– Тетя Париша, я сейчас задохнусь...

Хозяйка рассмеялась и нехотя отпустила Дёрену.

– А ты чего тут расселся? Хватит допрашивать усталое дитя, домой ступай, Кипрей! – Париша махнула тряпкой, и кузнец встрепенулся.

– Ухожу, ухожу, дорогая моя, не сердись, – он расплылся в улыбке и медленно слез со стула.

Дёрен с Паришей проводили его взглядом до двери.

– Я принес кое-что, – охотник указал на мышей, а затем добавил, – это за Свиду, а остальное на улице.

Эльфийка радостно подняла тушу и принялась ее осматривать.

– До чего упитанные! Откуда столько?

– В этот раз охота была удачнее.

Париша хмыкнула и, зайдя за прилавок, налила Дёрену горячую похлебку. Какое-то время охотник молча ел, а когда миска опустела, спросил:

– Какие-то новости про разведчиков были?

– Нет, никто не говорил о них уже месяца два. Все тихо. Всю эту болтовню, которую я слышу каждый день, не надо воспринимать близко к сердцу.

В тарвинке становились тише. Эльфы, проходя мимо стойки, кивали и оставляли на ней пару ягод черники, орехов и прочей еды. Хозяйка, протерев пару столов, села рядом с охотником, положив полотенце на колени.

– Они успеют к Гульбищу, просто задержались где-то. Вот

увидишь, приедут, начнут свои байки опять рассказывать до самого утра.

– Или их кто-то убил. – после долгой паузы пробурчал Дёрен.

– Не говори так! – Воскликнула Париша, – твой отец всего раз опаздывает, а ты его уже хоронишь!

Дёрен напрягся.

– Они должны были уже две недели назад вернуться! Весь народ на взводе! Если ты этого не видишь...

– Вижу... – прошептала Париша. – я тоже волнуюсь. Пока Кизила здесь нет, ты со Свидой под моим присмотром. Мне тоже тяжело, всем сейчас несладко. Время такое.

Она коснулась его плеча. На дальнем столике погасла пара свечей. Дёрен убрал руку в карман, покрутил в пальцах найденный в глухой чаще предмет, посмотрел на Паришу и сказал:

– Мне надо домой, к сестре.

Глава 3 Тень от короны

В глубокой глуши смешанного леса стоял дуб. Широкий и необъятный, он выделялся среди всех остальных деревьев. Молодые орешники и елки быстро гибли, если прорастали рядом с ним. И только неприхотливый шиповник смог пустить свои корешки и прорасти рядом. Так жили они долгое время, не мешая друг другу пока не появились крошечные существа.

Они были голодные и совсем уставшие. Потасканная одежда потихоньку сползала с их измученных тел. Эльфов было много. Они словно листья кружили в глубине шиповника, что обнимал дуб.

Прошло несколько дней, и эльфы решили освоиться на новом месте. Кажется, самый высокий и крикливый среди них махнул рукой наверх, и одна группа эльфов полезла по коре дуба, где скрылась в дуплах. Второй группе он показал в сторону чащи. Эльфы со вздохом разбрелись кто куда. Так, народ разделился на королевство, где обитали сохранившая свой статус знать и вояки, и поселение, которое пришлось развивать тем, кто остался ни с чем.

Дуб не сопротивлялся новым хозяевам. Он также рос, давал плоды, раскидывал мощные ветви и оберегал эльфов от непрошенных гостей. Чуть позже шиповник тоже дал плоды и с каждым годом все больше разрастался вдоль чащи, в

конце концов окольцевав дуб и ближайшую территорию, где стали жить эльфы. Только тогда маленький лесной народ почувствовал себя в безопасности. И на это ушло двадцать лет.

Омиас сидел в полумраке. Он изредка посматривал на восковую свечу, которую хранил на важный случай. Огонек то устремлялся вверх, рассматривая полки с различными засохшими листочками, то превращался в маленькую движущуюся точку. В этой комнате, что называлась хранилищем, находилась вся история эльфийского народа, которую смогли унести почившие уже хронисты. На каждом сухом листике была записана всего пара ценных строк, которые нельзя было потерять. Омиас аккуратно клал рядом с собой засушенный листок, брал на краешек пальца угольные чернила и наносил букву за буквой на пергамент, сделанный из шкурки полевки. Он увлеченно разбирал надписи, запоминая каждую фразу. Дописав до конца пергамента, он откладывал его в сторону, а листок оказывался на полу и с треском превращался в пыль. Вдруг дверь в комнатку открылась и в нее вошел высокий эльф в коричневой как кора тунике. Он скучающе посмотрел на Омиаса и потербил длинную седую бороду, связанную в косу. А юный хронист, будто не замечая его, раскладывал листья вдоль длинного стола и изредка цеплялся животом о выпирающие спинки стульев. Наконец, старый эльф спросил:

– На какой ты главе сейчас?

Омиас что-то буркнул и с неохотой поднял глаза.

– На пятнадцатой. Там, где Великий король эльфов Азиг решил наконец уступить трон своему старшему сыну Астрагалу первому. Совсем скоро я перепишу эту историю, и можно будет сжечь целую кучу сухих записок.

Старый эльф одобрительно кивнул.

– Надеюсь, ты помнишь об опасности огня и сухих листьев в одной комнате? Может, закончишь завтра? У тебя как раз свободный день перед Гульбищем будет.

Омиас взглянул на огонек.

– Старший хронист Физалис, позвольте, я еще здесь посижу? Мне хочется закончить все вовремя, не откладывать на следующую весну. Тем более еще не так поздно. А за огнем я послежу, обещаю.

Физалис молча осмотрел комнатку. Он провел пальцами по стеллажам, как будто вспоминая прожитое время.

– Давненько я не перечитывал историю о наследии Астрагала первого. Ну-ка, дай мне посмотреть, что ты там переписал?

– Может, лучше завтра утром прочтете? При таком освещении ваши глаза все равно ничего не разберут, – протараторил Омиас, отодвигаясь от Физалиса.

Старик вдруг прищурился.

– Знаешь, Омиас, я ведь тоже был таким же, как ты. Мне приходилось днями не видеть солнечного света, чтобы переписывать донесения, истории, байки и важные события на-

шего мира, – Физалис протянул руку, – Ты заставляешь меня сейчас напрасно переживать, говоря такие вещи.

Омиас сжал пергамент в своих маленьких ручках и зажмурился. Вдруг Физалис с силой потянул его к себе. Темный плащ из мха расправился в воздухе, чуть не потушив одинокую свечу. Старший хронист недовольно выхватил рукопись из рук Омиаса, частично порвав ее. Склонившись над огнем, Физалис с раздражением взглянул на записи.

– Это не пятнадцатая глава. Откуда у тебя эти записи?

Физалис несколько раз прошелся глазами по строчкам, пытаясь что-то выяснить для себя. Но запись была незнакомой, свежей.

– Это я написал, – почти шепотом произнес Омиас.

Физалис изумленно уставился на хрониста.

– Сам?

Омиас попятился. Старший хронист снова прищурился, пытаясь разобрать почерк.

– «Несмотря на историю, которая содержится в черновых заметках, мы можем точно предполагать, что враждебное отношение волков к эльфийскому народу зародилось не после ухода эльфов с территории Северного королевства, а в самом королевстве» – процитировал Физалис. – Что это за чушь?

Омиас протер о кафтан потные руки.

– Не воспринимайте всерьез. Я лишь предполагаю, что история о том, как эльфы покинули старое королевство, немного исковеркана. Возможно, в тот момент произошло

все немного иначе. Ведь не зря говорят: «Язык искривляет буквы так, как искривляется сам».

Физалис ударил кулаком по столу.

– Да кто это дает право тебе переписывать историю? Во-первых, откуда ты нашел эти записи? А во-вторых, тебе наскучила нынешняя жизнь и ты решил ее усложнить, самостоятельностью заняться? Ради забавы? Твой долг – переписывать, а не создавать! Только пергамент потратил, олух!

Казалось, тень от старшего эльфа увеличилась и стала давить на комнатку. И хоть Омиасу было страшно, он продолжил настаивать:

– Вам не кажется, что может быть еще куча других версий, как все было на самом деле? Не один же вы записывали. Были эльфы, которые и вживую видели всю подноготную. Если мы сможем объединить все известные факты, то получится описать историю намного правдивее.

– Какие факты? Все просто спасались бегством! И вообще, какая разница, когда появились волки?

Омиас совершенно не умел врать. Он вдруг осознал, что зря начал этот диалог, ведь с каждым его сказанным словом было понятно, что ни к чему хорошему этот спор не приведет.

– Я слышал где-то Ну, кто-то мимо проходивший из поселения рассуждал о волках. Не знаю, зачем они вспомнили эту старую историю, но я же не мог не подслушать, когда речь идет об истории. И я задумался, почему мы рассказываем ее

только с одних уст? Почему вдруг волкам неожиданно захотелось напасть на нас? По преданию они были всегда безопасны. Защитники леса охраняли нас от болезней, поедая мертвечину.

– Нельзя слушать простой народ, уж тем более верить их байкам. Они всегда что-то придумывают, чтобы обвинить в этом нас - Королевскую Знать. Это просто бедняки, которые выживают из года в год. От отчаяния всякое можно услышать, но не истину.

Физалис сел на первый попавшийся стул и оказался с Омиасом на одном уровне.

– Ты же понимаешь, что нас должно беспокоить только одно. Пока эти поселенцы собирают ягоды и делают заготовки на зиму для нашего короля и слуг - мы обеспечиваем им безопасность. Больше им знать не следует.

Физалис скрутил пергамент длинными пальцами и убрал его за пазуху плаща. Его глаза были еле видны из под нарощих белых бровей, и Омиас не с тревогой ожидал, что будет дальше. Но тут старший хронист рассмеялся.

– По преданиям Нашим преданиям всего пару сотен лет. Эльфы не умеют писать, а лишь делятся услышанным. Это очень плохой метод передачи информации. Лишь после нас, хронистов, которые превратили слова в буквы, история имеет значение – устало сказал он.

Омиас поджал губы и тихо спросил:

– Я не понимаю, почему мы должны что-то скрывать?

– Лучше помолчи, Омиас! – Вдруг крикнул Физалис. Он наклонился к толстому эльфу и прошептал, – Ты прекрасно знаешь, что бывает с эльфами, которые много говорят бес-толку И ходят без разрешения в поселение, расспрашивая простых работяг о каких-то там волках, о которых уже все забыли. Сейчас важно укрепить связь с Северным королевством, завладеть могуществом, а не рассказывать байки направо и налево!

Омиас оторопел и замолк. Физалис вышел из хранилища и обернулся:

– Сегодня последнее собрание, ты не забыл? Подготовь временник за это лето. А после... – Физалис устало выдохнул, – А после тебя ждет спячка. Отдохнешь, наберешься сил и забудешь обо всех ненужных вещах. Возможно, весной снова начнешь приносить пользу.

Омиас, сжав кулачки, бесстрашно ответил:

– Вы ведь знаете, что «спячку» придумали? Мы по природе не обязаны в нее впадать, просто так можно скоротать время и запасы на зиму! И вообще, не все как вы спите зимой. Я еще молод и уж точно найду, чем занять себя.

– Тогда мне придется закрыть хранилище до весны, раз у нас нашлись такие зимописцы как ты. – подытожил Физалис и закрыл дверь.

Омиас просидел в хранилище до самого утра. Когда первые лучи коснулись коры старого дуба, эльф выглянул в окошко и огляделся. Вид открывался на главную поляну, где

вовсю шла подготовка к Гульбищу. Эльфы собирали листочки, оголяя остывшую землю, и складывали их в одну большую кучу, которая с каждым часом становилась все больше и больше. Вся листва пожелтела и начала гнить. Лесной запах поменялся и был похож на что-то стертое и старое, заставляющее всех ощущать холодок и тревогу от приближающийся спячки.

Тут к старому дубу нерасторопно подошла королевская разведка. Они слезли с корги и начали утренний доклад кому-то из охранников. Их разговор невозможно было услышать. Омиас поежился от осеннего ветерка, натянул капюшон на уши и вышел из хранилища, забрав с собой застывший воск от свечи. Оказавшись снаружи, он спустился по лестнице вниз и нырнул в дупло, где находилось две двери. Дернув за ручку одной из них, он тихо зашел в небольшой коридор. Было темно, и только в конце виднелся свет от оконца. Его сделали, чтобы не тратить огонь на освещение короткого участка. Омиас на одном дыхании добежал до конца к свету и выдохнул. В такие моменты воображение будто играло с ним злую шутку, и поэтому эльфу не нравилось оставаться надолго в темноте. Переступив через порог следующей двери, Омиас снова оказался на улице. Вдоль ствола дуба протягивалась дорожка, широкая, с плотным навесом из веток и грибов, что любили вырастать на коре. Она закручивалась по стволу и уходила в самый низ, к земле. Омиас быстрым шагом направился по ней, попутно здоро-

ваясь с другими эльфами-слугами, кто уже не спал. Дойдя до конца, он очутился у двух построек рядом с дубом. Одна вела в королевский зал, где король Астрагал Второй принимал разведку и проводил собрания. Другая имела название "псарня". Место, где отдыхали корги. Псарня была высокой и длинной, построенной из широких досок, с утеплением. В летнее время там стоял ночной холодильник, а зимой скапливалось тепло от горячего псового дыхания. Некоторым эльфам приходилось дежурить и следить, чтобы корги были всегда под замком, особенно в зимнее время.

Всадники, которых видел Омиас, уже сняли накидки и о чем-то весело разговаривали, размахивая руками. Хронист подошел к ним.

– Утро сегодня холодное, – начал он, – Видели что-нибудь интересное при обходе?

Один из разведчиков усмехнулся, разглядывая хрониста с ног до головы:

– О, это же наш затворник. Опять пытаться нас вздумал своими расспросами?

Омиас помялся и виновато улыбнулся.

– Простите, такова моя работа.

– Ничего интересного, как и всегда, – начал один. – Весь кустарник цел, осыпаться к зиме не думает. Эльфы в поселении проходу не дают, мешаются, к своей ярмарке готовятся. Видели нашего зрителя за корги, опять со своей псиной отлынивает от работы.

Омиас нахмурился.

– Как это, отлынивает?

– Ну, ты-то не знаешь его, нашего умалишенного, но к нему лучше не соваться. Он, как бы помягче Странный, что ли. Расхаживает вдоль куста, вместо того, чтобы остатки ягод с полей вывозить с остальными. – Разведчик зевнул и пожегился.

– Да ладно он Вот его псина совсем с обонянием не дружит. – вдруг начал другой. – Ни собак не воспринимает, на всех кидается, ни эльфов других не слышит, только его одного слушает. Охрана все пытается эту псину к остальным в псарню пригнать, но каждый раз им достается. За вшивот их принимает чтоль Хотя тварь-то обычная, но слишком злая. Вот и мы пытались вразумить Цейла, чтоб своей работой занялся, а его псина чуть нашим хвосты не покусала.

– А может, она просто боится? – усмехнулся Омиас.

Разведчики уставились на него, прищурившись, а затем в один голос рассмеялись.

– Ну ты и луд, Омиас. Какой страх? Эти псы только у нас его разнюхать могут! – выпалил один из них. – Ну ничего, зимой-то мы всех корги в псарне запираем. Хотя бы за это переживать не придется.

– В общем-то, тебе здесь ловить нечего, – закончил другой. – мы, наверное, пойдем в тепло. А ты смотри, не замерзни тут.

Омиас кивнул и широко улыбнулся.

– Хотя тебе-то что знать о холоде? – выпалил разведчик, потряхивая свой живот.

Двое рассмеялись и побрели в сторону псарни. Омиас махнул им рукой и, дождавшись когда те скроются за деревянными воротами, пробурчал:

– Вот вшивота.

Всю ночь Свиды не могла уснуть. Она много думала об отце и брате, который храпел в соседней комнатке. Но больше об отце. Отряд сильно задерживался, и Свиды уже больше двух недель не могла найти себе места. Она забывала есть, ложиться вовремя спать, и все свое время была под присмотром тети Париши, помогая ей в тарвинке. Чем ближе было Гульбище, тем тревожнее ей становилось.

Вот и настал последний день осени. Свиды устало приподнялась с постели, огляделась и, увидев осенний листик на полу, подняла его. Взяв черничную краску, она написала что-то и положила на стол. Затем оделась в вязаное черное платье из собачей шерсти, накинула на себя льняную рубаху и обулась в сапожки из шкурки полевки с деревянной подошвой. Взяв с крючка небольшой лук и проверив наличие стрел, Свиды заглянула в комнатку, где спал Дёрен, какое-то время посто-яла в проеме и, наконец, вышла из дома. «Я к маме» - было написано на осеннем листочке.

Вокруг было шумно. Эльфы беспорядочно бегали в разные стороны под поздним осенним листопадом. Они кри-

чали, толкались, бранились, ведь времени перед Гульбищем осталось совсем немного, как им казалось. Будто вот-вот стемнеет и начнется последняя ночь перед спячкой. Свидя зашла за деревянный домик и скрылась в чаще леса, как только нашла протоптанную тихую тропку. Она шла долго, медленно, наслаждаясь последним днем осени, вдыхала запах леса и травы. По пути попадались последние цветочки, которые она собирала и наспех плела маленький венок.

В какой-то момент деревья поредели, и Свидя вышла на поляну с молодыми саженцами, каждый из которых был обложен по кругу камнями. Свидя остановилась. От холода она спрятала руки в вязаные кармашки и через какое-то время, будто собравшись с силами, продолжила путь. Она шла вдоль саженцев в самую глубь. Где-то вдалеке показалась колючая стена из шиповника, та, что оберегала королевство эльфов от волков. Свидя шла прямо на нее и, оказавшись уже совсем близко, вдруг остановилась перед молодой осинкой. Хрупкое голое деревце слегка раскачивалось на ветру и в какой-то момент будто наклонилось к Свиде.

Эльфийка прикоснулась к коре молодого дерева и прошептала:

– Так выросла за это лето Вижу, новые веточки появились, такие красивые.

Свидя посмотрела на макушку деревца, и простояв так, будто выжидая ответа, обессиленно села на влажную землю и заплакала.

– Я больше не могу. Не могу ждать, надеяться. Отец еще не приехал, он опаздывает, ни одной новости за последние месяцы. Я не знаю, что думать, мама. Его так долго нет. – всхлипывая пробормотала Свиди. – А Дёрен все никак не может отлипнуть от настоек. Когда выпьет, будто меняется, веселится, песни поет, но я знаю, что он не такой. Зачем он притворяется, будто все хорошо?

Она вновь посмотрела на качающуюся макушку. Свиди утерла слезы и устала на изгородь из шиповника. Ветер поднялся с новой силой, и Свиде пришлось зажмуриться от поднятой пыли с земли. Она встала с колен и, отряхнувшись, шумно выдохнула.

– Ты права. Мне все говорят не горевать, и ты говоришь. – Свиди положила венок с цветами и травой возле дерева и прошептала, – С Гульбищем, мама. Спи спокойно.

Свиди вновь взглянула на шиповник и вдруг заметила, как верхние ветки хаотично затряслись. Свиди неумело потянулась к луку на спине. Натянув стрелу на тетиву, она робко подошла к изгороди и замерла.

– Выходи! – вдруг крикнула она дрожащим голосом и прицелилась. Ей никто не ответил. Ветки куста задрожали сильнее, и Свиди увидела, как через заросли к ней вышел эльф в темном плаще.

– Ни с места! А то убью! – вновь крикнула Свиди. Лук с натянутой стрелой ходил ходуном в руках, голос не слушался.

Незнакомец поднял голову и слегка улыбнулся.

– Свида, это же я.

Эльфийка вздрогнула и опустила лук.

– Корицик? Что ты здесь делаешь? – чуть ли не шепотом пролепетала Свида.

Цейл уставился на тернии шиповника и вдруг свистнул. В кустах показалась довольная морда Дички. Она выбежала из кустов и, виляя хвостом, осторожно подошла к Свиде, а как только обнюхала ее, весело начала поскуливать. Свида тут же засмеялась и погладила пса по носу.

– Дичка нашла где-то брешь в зарослях и убежала туда, а я ее искал. Испугалась чего-то, наверное. – Корицик развел руками, – как всегда.

– А как там, с той стороны? – Вдруг спросила Свида.

– Жутко. – коротко ответил Цейл.

Свида кивнула и вдруг испуганно посмотрела на брешь. Поглаживая Дичку, она задумчиво сказала:

– Мне брат всегда говорил, что там дышится по-другому. Хоть и наша территория весьма большая, но этот шиповник будто всегда давит на него, отбирая некую свободу. Надо сказать, чтобы ту дыру заделали. А то мало ли, волк сможет пролезть.

– Я сам скажу, не переживай по этому поводу.

Свида вдруг насупилась.

– Сегодня последний день года. Разве кто-то завтра будет в состоянии патрулировать окрестности? И когда ты доне-

сешь? А вдруг волки найдут этот проход? Мне не по себе как-то...

– Не переживай, эта проплешина давно здесь, да и не заделаешь ее. Листья все скрывают, а ветки и так колючие. Но я поговорю с кем нужно. Повторюсь, не бери в голову.

Корицик улыбнулся и Свиде стало легче. Она обняла эльфа и скрепила за его спиной руки в замок. Дичка обнюхивала холодную землю и прислушивалась.

– Ты случайно не слышал какие-нибудь новости? – осторожно спросила эльфийка. – про разведку?

– Нет – коротко ответил Корицик.

Свида, прижавшись сильнее, промычала:

– Я знаю, что всех извела уже своим нытьем, но мне неспокойно. Очень.

– Тетка сказала, что ты опять не ешь. Неужели тебе не нравится, как она готовит? – Усмехнулся Корицик.

– Это не так! Я просто не хочу фигуру портить перед Гульбищем!

Корицик засмеялся.

– Ладно, придется следить, сколько похлебки ты съешь сегодня после танцев.

– Нет настроения танцевать! – Свида в шутку оттолкнула Цейла и вприпрыжку подбежала к Дичке. Взяв за поводья, она оглянулась. – Чур я поведу!

Время близилось к полудню. Дичка шла ровным шагом

мимо голых кустарников. Шум из поселения нарастал, и вскоре Свида повернула поводья в его сторону.

– Последняя поездка в этом году, – сказала она.

Корицик хмыкнул.

– А ты скучаешь по езде зимой?

– Бывает. Скорее, я переживаю за Дичку. Зимой всех корги запирают в псарне. Там хоть и тепло, но очень тесно, а из-за снега я не могу ее навещать. Она не любит других псов, поэтому иногда я встречаю ее весной очень измотанной. А потом пару дней беготни, и она как новенькая.

– Бедняжка... - пробормотала Свида.

Вдруг в стороне поселения раздался громкий звук, и Дичка резко метнулась в сторону. Свида вскрикнула, дернув за поводья, и корги испуганно понесся в глубь леса. Корицик наклонился к Свида и, зацепившись пальцами, попытался притянуть повод к себе.

– А ну стой! – крикнул он, но Дичка будто его не слышала. Она помчалась к оврагу и резко обогнула его.

– Я упаду! Упаду! – крикнула Свида, соскальзывая с седла, и Корицик, бросив поводья, попытался удержать эльфийку руками. Но не вышло. После очередного резкого поворота, они слетели с седла и скатились кубарем в овраг, прямо в кучу пожелтевших листьев. Дичка убежала в глубь леса. Откинув листья, Корицик приподнялся.

– Свида?

Послышался смех. Корицик огляделся. Свида лежала со-

всем рядом и, раскинув руки, смотрела на небо.

– Это было так весело! – вдруг вскрикнула она. – Сначала страшно, но потом, потом

– Опасно. – Заметил Корицик.

Свида вздохнула и уставилась на Корицика.

– Почему ты всегда такой?

– Какой?

– Угрюмый! – выпалила с раздражением эльфийка.

Корицик молча поднялся и отряхнул уже без того грязные массивные штаны бурого цвета. Свида выбралась из кучи листьев следом.

– Нам пора возвращаться, – сказал эльф и свистнул. Дичка, изучающая неподалеку местность, тут же трусцой направилась на зов. Свида подошла к ней и забралась в седло.

– Корицик, – позвала эльфийка, – ну вот почему тебе ничего не нравится? Ты живешь с тетей Паришей, у вас целый погреб настроек и закуток, о голоде даже думать скверно, а ты все недоволен. Я бы все отдала, чтобы жить рядом с близкими и не видеть, как они то и дело уходят через главные ворота в лес, пропадая там на несколько недель. У тебя-то что не так?

– Возможно, я ударился головой, и от того мне угрюмо, – вдруг ответил Цейл.

– Ты опять тему меняешь! Не надоело? – выпалила Свида, но вдруг тихо спросила, – ты тоже скучаешь по своим родителям?

Корицик подошел к Дичке, посмотрел на Свиду и спокойно ответил:

– Я уже не в том возрасте, чтобы вспоминать их. Двигайся, поведу я, так быстрее будет.

Свида нехотя сползла ближе к хвосту Дички. Эльф прыжком забрался на холку пса и, взяв поводья, повернул в сторону поселения. Оставшуюся поездку они провели в тишине.

Последнее королевское собрание началось поздно. Пока слуги готовились к пиршеству, в главном зале многовекового дуба собралась вся знать, что проживала в нем. В основном это были пожилые эльфы, которые по мнению короля сделали большой вклад в развитие лесного поселения. У каждого из них был свой кусок территории по добыче ягод, коры, листьев особых сортов, лекарственных цветов. Также туда входили и эльфы с длинными остроконечными ушами, которые обязательно должны были смотреть назад и никак иначе. Это признавалось как знак величественной силы, что давала управлять эльфами ниже классом.

Омиас до последнего верил, что король Астрагал Второй перенял от своего отца благородство, надежность и самое главное - милосердие к своему народу. С этими мыслями он шел вместе с Физалисом в зал, попутно перебирая написанный за весь год временник. Физалис шел быстро, стуча каблуками по деревянному полу. Омиас еле за ним поспевал. Они дошли до высоких дверей и остановились.

– Надейся, что король смилуется над твоей работой за этот год. Многие хронисты хотели попасть сегодня на собрание, но король в последнее время стал слишком зациклен на группе разведчиков

– Те, что еще не вернулись? – Перебил Омиас и тут же затих.

– Да, – хмыкнул Физалис, – Они уже опоздали на три недели, а учитывая, что в этом году обещают суровую зиму, оставаться по ту сторону шиповника скверная идея. Сейчас все говорят только об этом. Говорят, что даже в поселении стали распускать слухи об отряде, а именно о главном разведчике Кизиле.

Омиас прижал к груди стопку пергаментов и прошептал:

– Вы думаете, что они пропали?

Физалис наклонился к Омиасу.

– Даже не смей допускать мысль об этом, иначе все королевство погрузится в такой бардак, что мы до конца времен не сможем его разгрести.

Омиас непонимающе вскинул бровь и хотел было что-то спросить, но тут Физалис резко открыл дверь и вошел в зал. Теперь юному хронисту оставалось только молчать, ибо в зале собраний говорить без спросу он не мог.

Зал уже наполнился эльфами. Они шепотом переговаривались между собой, и Омиас пытался услышать каждое слово, которое расплывалось эхом. Солнечный свет проникал через маленькие оконца и падал на королевский трон, кото-

рый покрылся к концу лета мхом и напоминал большой высокий холм.

Тут главные двери открылись, и в проеме показалась охрана. Высокие, статные эльфы в зеленых одеяниях сначала осмотрели зал, потом, поправив маски из листьев на лице, прошли вглубь. Они встали спиной к присутствующим, загородив Омиасу весь вид. Все притихли.

Где-то вдалеке были слышны четкие шаги, которые медленно приближались. Омиас пытался найти щелочку между охраной, но Физалис смирил его, положив руку на плечо. Казалось, что время остановилось. Омиас почувствовал наплывшее волнение, которое преследовало его с самого утра. Он стал прокручивать предстоящий разговор с королем, который должен был стать важным событием в его жизни. Он представил, как вручает ему временник и отвечает на вопросы.

“О, как интересно, ты сам это выяснил, Омиас? И правда, корги являются такой важной частью нашего народа, а мы совсем не знаем кто они и откуда явились в наши земли. Так еще и не доверяем им. Это надо исправлять, юный хронист” – перебирал в голове Омиас.

“Назначаю тебя главным по решению этой проблемы! Эльфам стоит прислушаться к тебе, весь лесной мир в твоих руках!”

Тут все обернулись в сторону двери, и Омиас, очнувшись от своих мыслей, понял, что король уже здесь.

Астрагал Второй молча прошел вдоль мохового ковра и, остановившись у трона, хлопнул в ладоши. Охрана синхронно направилась к нему, и Омиас наконец смог разглядеть правителя. Это был белокожий высокий эльф с длинными ушами. На голове красовался венок из молодых изогнутых веток и розовых кудреватых лилий. Мантия из летних цветов укрывала худощавое тело, и видны были только длинные сапоги с высокими каблуками. Король осторожно присел на мягкий трон и положил руки на колени.

- Лесная Эльфийская Знать! Да прибудет с вами тепло и благородство в это нелегкое время, - поприветствовал всех эхом король и все присутствующие поклонились.

– Да прибудет с вами милость и мудрость, ваша лесная душа. – ответила Знать.

Король махнул рукой, и все присели на пол. Омиас растерянно осмотрелся и плюхнулся рядом с Физалисом, который приставил палец к губам.

– Сегодня последний день перед нашим испытанием, посланным самой природой. Речь пойдет не о наших добытках и простых эльфов из поселения, а о том, кто до сих пор не вернулся.

Король замолк, будто ожидая вопросов, но вскоре продолжил.

– По нашим последним сведениям, отряд Кизила перешел через сухие купальницы в сторону северного леса, где начинается территория одноименного королевства. Задача отря-

да оставалась прежней: вступить в контакт с новым правителем и разрешить наш старый конфликт. Но уже прошло несколько недель, а ответа об их переговорах так и не последовало.

Один из Знати, который ведал о лесных цветочных полянах, Вестник Цветов, встал и кивнул присутствующим.

– Благородный Астрагал Второй, как мы знаем, после сухих купальниц отряд пересекает лес черных ветвей, и после прибытия в Северное королевство отряд обязан отправить к нам гонца. Может, они забыли об этом?

– Ваше Благородие! – другой эльф по имени Черничный Галдовник поднялся с места, – Наш собрат Кизил Хало слишком придиричив к приказам. Не думаю, что такое могло произойти. Возможно, гонца выследили волки. Мы хоть и скрытный народ, но наши псы не внушают доверия до сих пор, со дня их приручения.

Омиас встрепнулся и наострил уши. “Неужели даже Знать беспокоится о своей безопасности рядом с корги?” – подумал он.

Король зажмурился и одним движением провёл пальцами вдоль век, стремясь протереть глаза.

– Да какие волки! Они уже ушли дальше севера. – Вдруг возразил кто-то еще из Знати, но Омиас не разглядел, кто именно. – Летов пять мы о них не слышали ни от разведки, ни от охотников. Нет им дела до нас больше!

– Охотник охотнику рознь. Они дальше безопасной лу-

жайки не уходят, не дозволено им. А отряд и скрывать может, чтобы не пугать нас. Мы же не можем лично проверить, что за стенами творится! – Прозвучал чей-то голос с другой стороны, – Может, и сами корги их привели, запах псины и волка не такой уж и разный!

Галдеж, начавшийся в зале, заставил Омиаса улыбнуться. Эльфы из дуба ничем не отличались от простаков в поселении. Все такие же напористые и крикливые, такие же недоверчивые и напуганные, желающие высказать свою правоту.

Охрана поглядывала на короля, который как будто врос в трон в ожидании чего-то.

Резко открытая дверь зала заставила всех притихнуть. Знати тут же уставились на Эльфа, который прошел вдоль мохового ковра, и присели на пол. Эльф кивнул всем собравшимся и, подойдя к королю, поклонился.

– От тебя несет псиной, – подал голос Астрагал Второй, и эльф выпрямился.

– Знаю, отец, мне об этом весь день слуги говорят. – Усмехнулся тот.

– Где ты был, Вёх?

Вёх пощупал влажный мох на королевском троне.

– Да так, решил в последний день прогуляться верхом.

Король удивленно вскинул бровь и осмотрел сына с головы до ног.

– И зачем ты явился сюда? Что-то случилось?

– Ну как же, вы ведь велели мне быть на последнем со-

брании, и я пришел.

Лицо короля не изменилось.

– Ты никогда не опаздывал. Неужели на твое воспитание так повлияла охота?

Вёх промычал и скрестил руки, спрятав их за такой же цветочной мантией.

Кто-то из Знатей снова встал и, посмотрев на окружающих, произнес:

– А как там на охоте, ваша милость?

Вёх тут же повеселел.

– Вот это хороший вопрос! – Задорно ответил принц и стал рассказывать историю, расхаживая по залу. Он поведал Знатым все события, что были на охоте. От веселых охотничьих баек до погони за зайцем. Омиас замороженно улавливал каждое слово принца и пытался не охать, прикрывая рот рукой.

– Но зайца мы не поймали... – голос Вёха вдруг погрузнел. – Я пытался его догнать с одним охотником, сыном Кизила, но Дёрен оказался ловчее меня. Он убежал далеко в чащу, где мы его и нашли уже на земле. Оказалось, что даже опытный охотник может потерять управление и упасть с пса.

Знать все как один разочарованно покрутила головой.

– Вот вам и доказательства. Нельзя до конца верить псам, они могут легко растоптать и скинуть наездников, когда им вздумается! – Воскликнули снова в зале. – Неудивительно, что весь отряд задерживается. Может, наконец, доверие к

псам угасло в походе?

– Его никогда и не было, – вдруг громко сказал Астралгал Второй. – Псы это только средство для наших личных целей. Хоть за последние семнадцать лет они помогли нашему королевству в подготовке к зиме, но при этом нам пришлось пожертвовать любовью к существам мирным, к каким и мы себя относили. Эта охота, мясо, шкурки для ваших одежд, это все порок псовый, плата за их "помощь". Но, господа Знати, не стоит полагаться на дух псовый. Он изменил нас за такое короткое время. Что будет потом, одному лесному духу известно.

Знать, согласившись, кивнула. Омиас замер. “Что это за фраза такая - одному лесному духу известно? Что за лесной дух и как он выглядит?” – подумал Омиас.

– Знаешь, отец, – включился в разговор Вёх. – Чем дольше разведчики опаздывают, тем быстрее растет волнение у простых эльфов. После Гульбища они вспомнят о пропаже разведки. Нужны ли проблемы еще и с народом нашим?

Король скрестил руки на груди.

– И что ты предлагаешь тогда, моя лесная душа?

Все замерли в ожидании.

– Раз мы не можем контролировать разведку, тогда остается только повлиять на народ. Ты же всегда выступаешь перед самим праздником. Может, скажем им, что отряду посчастливилось остаться в королевстве? Что их приняли с добродушием в знак возможного перемирия? А раз они не вернут-

ся, то отправим ранней весной новых разведчиков, чтобы те выяснили, в чем же дело? Сейчас зимой никому не захочется вылезать из под одеял и жить без огня.

Знать уставилась на короля. Тот, сидя на троне, цокнул и, размышляя, прикрыл рот рукой.

Омиас пододвинулся ближе к Физалису и потянул его за рукав котты.

– Он что такое говорит? – шепнул Омиас, и Физалис обратил наконец на него внимание.

– Тише ты, потом вопросы задавать будешь. – ответил Старший хронист.

Но Омиас не унимался.

– Король не хочет признавать, что они погибли? Что некому больше в северные земли наведаться? Он ведь не согласится врать.

– Ему нельзя волноваться, не сейчас. Никто не хочет этого признавать, а эльфам простым без надобности такие подробности.

– Он же король, он должен волноваться. А как же доверие строить?

– Тихо. Наше доверие скреплено договором. Если поселение узнает, что мы его нарушили, всем несдобровать, – злобно шикнул Физалис.

Словно ошпаренный кипятком, Омиас скукожился, вспоминая слова хозяйки тарвинки, тети Париши. “Итог один – раскол. Я это наблюдала там, теперь здесь. Все повторяется.”

Омиас учащенно задышал, пытаясь взять себя в руки. Гул в ушах нарастал, но тут же затих, как только Король подал голос.

– Скрывать такое от народа - ужасная идея. Если кто узнает о нашем неведении, репутация и доверие упадет глубже норы мышиной. Не будет нам ни тепла зимой, ни помощи в полях черничных.

Омиас вскользь улыбнулся, наблюдая как Знать кивает на слова короля, соглашаясь с ними. Король встал с трона, медленно подошел к Вёху и, положив руку ему на плечо, произнес:

– Но, похоже, выхода больше нет.

-- Что... – прошептал Омиас и снова напрягся.

Король взглянул на своих подданных. Взгляд его был холодный. Губы превратились в еле заметную розовую ниточку. Будто что-то выскивая в лицах, Астралгал Второй осторожно продолжил:

– Сегодня я поведаю народу и истину, и горе, а там пускай праздник их расслабит, да заставит забыть, что принять не смогут. Никому не выносить лишних фраз и догадок из этого зала, – Тут лицо короля скривилось, – надеюсь, никто не желает расстаться со своим языком?

Знать молча встала с мохового пола и поклонилась. С ними и поклонился Вёх. Через длинные спины знати Омиас настороженно посмотрел на принца, которой, как показалось хронисту, ехидно улыбнулся.

Кто-то из знати выступил вперед и промолвил:

– Может, нам для осторожности разузнать, как отреагирует народ на весть? Для нашей безопасности.

Астрагал Второй кивнул и вернулся на королевский трон.

– Неплохая идея. Наш народ трудолюбив, но очень мстителен, вам ли не знать об этом. Во времена раскола была бойня между родней, соседями. Мой отец не раз видел, как безрассудные мысли об убийствах поражали не только эльфов во гневе, но и слуг, которые не разделяли решение короля о расколе. Поэтому лучшим способом будет кого-то заслать в разгар праздника и понаблюдать, что говорит народ. – Король оглядел толпу слуг и спросил, – Кто из вас готов на это?

Все сделали шаг назад. Омиас, не успев ничего понять, оказался впереди всех. Увидев встревоженного Физалиса, он попытался нырнуть в толпу обратно, но не успел.

– Юноша! – Вдруг воскликнул король.

Омиас мигом обернулся и замер.

– Вы ведь хронист, судя по одеянию?

Омиас посмотрел на Физалиса, но тот не подал никакого знака.

– Довольно прятаться за старшими. Говори, чей будешь? – сдержанно приказал король.

Омиас сглотнул и медленно вышел в центр зала. Он встал почти рядом с Вёхом и понял, насколько тот оказался высоким.

– Вы правы, ваше милосердие, меня зовут Омиас Курку.

Я ученик старшего хрониста Физалиса. Присутствую здесь впервые. Да простите мои манеры, если они некорректны.

– Так ты бывал в поселениях? Ходил туда? – перебил король.

Омиас поджал губы, опустил голову и тихо сказал:

– Никак нет, ваша милость.

Король выдохнул, изучающе посмотрел на Омиаса, потом посмотрел в толпу, выискивая Физалиса и, немного погодя, громко сказал:

– Собрание закончено. Насыщенного Гульбища вам, господа Знати, и теплой зимы!

Знать оживилась, поклонилась, тихо невпопад пожелала "теплой зимы" друг другу и потихоньку вышла из зала. Физалис так и остался стоять на своем месте.

Вёх положил руку на плечо Омиаса и, крепко сжав, направился к королевскому трону. Омиас с недоверием посмотрел сначала на принца, а затем на двери зала, которые с грохотом закрылись.

– Так, значит, слухи это все были? – Начал король спокойным голосом.

– Какие слухи? – напрягся Омиас.

– Что ты в поселение ходил. Мне охрана сообщала, что видела похожего эльфа вроде тебя за дубом. Такой же низенький, пухленький, кучерявый. А было это в черничных полях где-то пару дней назад. Знать Черничный Галдовник пожаловал ко мне немедленно и стал возмущаться, что опять

пропала часть собранной ягоды. Ты случайно не знаешь об этом?

Омиас покрутил головой.

– Да не может быть такого, ваша милость! Не мог он там ошиваться! – вдруг вступился Физалис и быстрыми шагами подошел ближе. – Как не приду в наше хранилище, он там сидит, света живого не видит изо дня в день. Тем более неразговорчив он, чтобы с простым народом в контакт вступить. Хоть и прекрасный хронист, да вот не владеет он навыками общения. Ему уж точно задали трепку в этих ваших полях. Народ там злой нынче, соваться туда - себе дороже.

Омиас почувствовал, как покраснели его щеки.

– Ну, раз такое дело, я могу быть спокойным. Ты не пугайся, в разгар Гульбища эльфам не до драк и споров, они хотят брюхо набить да побольше своих товаров поменять на вещи нужные. То бишь спокойны как жуки. С тебя лишь одно - это напрячь свои ушки и слушать, что говорят. И не вступать лишней раз с расспросами.

Тут Астрагал Второй посмотрел на охрану и приказал:

– Найдите самую маленькую баночку с вареньем на шишках, и принесите ее в хранилище, где хронисты сидят. А ты, Омиас, обменяй ее на что-нибудь. Так надежнее. Возвращайся не позднее полуночи, а то до весны будешь куковать под дубом. К сожалению, вместо тебя я больше не могу никого отправить. Ты единственный, у кого уши выпирают в стороны. Как раз сойдешь за эльфа из поселения.

Омиас понимающе кивнул, опустив глаза вниз.

– Что это у тебя в руках? – вдруг спросил король.

Омиас запоздало отлепил временник от груди и протянул его королю.

– Я вас не подведу, Ваша милость. Вот, записи за это лето!

Примите их.

Вёх молча забрал пергаменты из рук Омиаса и отдал отцу. Король устало вздохнул и стал перебирать листок за листком. Хронист протер потные руки о рубашку и пристально посмотрел на королевское лицо, пытаясь уловить настроение.

– Тут как раз сведения о псах и о доверии народа к ним. Мне показалось, эта тема была актуальна сегодня, – Омиас натянуто улыбнулся как только заметил, что король читает вскользь.

Добравшись до конца, Астрагал Второй резко сложил весь пергамент в кучу и порвал его надвое.

– Вы что?! – сорвался Омиас и протянул руку к упавшим на пол клочкам. Физалис остановил его, взяв за шиворот плаща и приказал замолчать.

Король скучающе посмотрел на юного хрониста и, скрестив пальцы в замок, сказал:

– Ты не сердись на меня, но твой доклад мне не сдался. – Он наступил каблуком за разорванный пергамент. – За время собрания мы уже все решили. Повторюсь, псы это только средство, нам незачем разбираться в их повадках. Пока

они не грызут мой народ, я могу им верить. А что до народа, эльфы нынче пугливы, это известно каждому.

– Вам разве не приходят вопросы, откуда они вообще появились? Почему к нам они не питают злобы, как волки? А как же развитие дальше? Почему каждый эльф не может позволить себе пса? – Сдержанно спросил Омиас, сжав руки в кулак. – Моя работа здесь теряет весь смысл, раз все решается словесно на собраниях.

Омиас попытался вырваться из хватки Физалиса, но быстро устал. Он посмотрел на принца, который почему-то испуганно наблюдал за ним. Тут король наклонился к Омиасу, и голос его будто задрожал.

– А ты и правда без манер ко мне явился, Омиас Курку. Тебе же объясняли держать рот на замке, пока я не разрешу говорить?

Голубые глаза пронзили хрониста, и тот тут же будто пришел в себя и успокоился. Физалис отпустил плащ и поправил его.

– Прошу прощения, ваши милость, он еще совсем зеленый, сами видите, – сказал Старший хронист. – и меня простите, что так воспитываю.

Король отстранился, облокотившись на спинку трона.

– Давайте впредь я буду читать ваши временники перед собранием слуг. Как-то некрасиво вышло, соглашусь. Сейчас меня волнует, как поведет себя народ, поэтому сделаем вид, что ничего этого не было. Согласен, хронист?

Омиас поклонился, его колени дрожали от злости. Он больше не хотел смотреть на короля, не хотел говорить. В этот миг что-то сломалось, дало трещину. Небольшую, но очень значимую для него самого.

– Вёх проводит вас. Готовься к Гульбищу, Омиас Курку, и загляни ко мне завтра утром, как отдохнешь.

Как только хронисты вышли из зала, Вёх остановил их.

– Омиас, тут у меня есть послание для тебя. Может, оно скрасит остаток твоего дня. – Вёх протянул листовой конвертик хронисту, а затем добавил. – От твоего отца.

Омиас взял письмо.

– Спасибо, но... Не думаю, что я буду рад, прочитав это. С чего вы взяли, что там хорошие вести?

Вёх промолчал, непонимающе посмотрев на хрониста.

– Твой отец уважаемый егерь, так почему бы ему иногда не скучать по единственному сыну?

Омиас молча поклонился, спрятал письмо за пазуху и поплелся за Физалисом вдоль коридора. Принц дождался, когда двое скроются в мховых стенах, и прошептал куда-то в пустоту:

– Придется мне за тобой присмотреть, хронист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.